

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра отечественной филологии и русского языка как иностранного

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: Концепция детства и юности в автобиографической прозе Н.Г.

Гарина-Михайловского

Исполнитель Дарьина Кристина Дмитриевна
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель доктор педагогических наук
(ученая степень, ученое звание)

Целикова Елена Ивановна
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой
(подпись)

кандидат педагогических наук, доцент (ученая
степень, ученое звание)

Кипнес Людмила Владимировна
(фамилия, имя, отчество)

« 4 » июня 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
ГЛАВА 1. ТЕМА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	9
1.1 Феномен детства в русской культуре 19 века	9
1.2 «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства» (Детство как земной рай – в творчестве Толстого, Аксакова, Гончарова).....	17
1.3 «Униженное и оскорбленное» детство	28
Выводы	34
ГЛАВА 2. ПОИСК «ДОРОГИ ДЕТСКОГО СЧАСТЬЯ» Н.Г. ГАРИНЫМ- МИХАЙЛОВСКИМ В ПОВЕСТЯХ «ДЕТСТВО ТЁМЫ» И «ГИМНАЗИСТЫ».....	35
2.1 Традиции русской литературы о детстве: «диалектика души» Тёмы Карташева в повестях «Детство Тёмы» и «Гимназисты»	35
2.2 «Формула» счастливого детства в произведениях Н.Г. Гарина- Михайловского	40
2.3 Ранняя юность и её идеалы (повесть «Гимназисты»)	46
Выводы	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Тема детства одна из «вечнозеленых» тем русской литературы. Это закономерно, потому что в детстве прививаются ребенку «самые одухотворенные, эфирные частицы» (В.Розанов) культуры. Особенно важна эта «прививка» сегодня, когда общество переживает беспрецедентный по своим масштабам кризис. Основная черта этого кризиса – культурный разрыв «по вертикали» – разрыв времен и поколений. Н.С.Михалков в документальном фильме «Анна. От 6 до 18» задается вопросом: «Где произошел разрыв, разделивший маленького Илюшу Обломова и девочку Анну XX века?». Михалков полагает, что такой границей отчуждения поколений стала утрата веры. Как представляется, не только в безбожии причина утраты поколенческих, временных связей. На грани исчезновения из национального сознания национальные архетипы, в том числе один из основных – архетип детства. Национальная память уже не хранит образы русского детства, традиции формирования в ребенке, подростке, юноше национальных представлений о духовных приоритетах. Но еще в начале XX в. В.В.Розанов объяснял пороки современной ему школьной системы отсутствием в ней философии национального образования и воспитания.

Русская литература не раз обращалась к теме детства, начиная от «Рыцаря нашего времени» Н.М. Карамзина и заканчивая современными произведениями (В. Астафьев: «Конь с розовой гривой»; Саша Соколов: «Школа для дураков»; З. Прилепин: «Санька»).

Не обходила своим вниманием эту тему и русская философская мысль. И. Ильин нравственное благополучие страны связывал с воспитанием «солнечного ребенка», с формированием в нем «духовности инстинкта», с «пробуждением сердца». «Мысль семейную» он соединял с «мыслью детской»: «В семье пробуждаются и начинают разворачиваться дремлющие силы личной души; здесь ребенок научается любить (кого и как?), верить (во что?) и жертвовать (чему и чем?); здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его

будущего счастья и несчастья; *«здесь слагаются первые основы его характера; здесь открываются в душе ребенка главные источники его будущего счастья и несчастья; здесь ребенок становится маленьким человеком, из которого впоследствии разовьется великая личность или, может быть, низкий проходимец...»* [27]. В.С. Соловьев в ребенке видел отражение лика Божьего. В ребенке воплощалось для В.В. Розанова «видение миров иных». «Святость» видел в он в «нелукавых глазах» младенца.

«Детская» тема в литературоведческих работах по преимуществу рассматривается сквозь призму поэтики. Таковы диссертационные исследования, например, Диановой Е.Е «Образ детства в английской и русской прозе середины XIX века» (1996); Ланской О.В. Концепт «дом» в языковой картине мира (на материале повести Л.Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика») (2005); Николаевой Н.Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: формы письма и традиции жанра (2004); Орловой Н.И. «Способы выражения причинно-следственных отношений в трилогии Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» 1968); Погодиной Е.В. «Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе: На материале произведений М. Осоргина и И. Бунина» (2002); Романовой Н.И. «Повесть Л.Н. Толстого «Детство в контексте русских художественно-биографических повестей середины XIX века» (2009). На материале русской литературы о детстве активно исследуются проблемы жанра (Крылова М.А. «Автобиографическая тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»): проблема жанра» (2000); традиции и новаторства (Шестакова Е.Ю. «Детство в системе русских литературных представлений о человеческой жизни XVIII - XIX столетий» (2007). В этих работах проблемы семьи, семейных отношений, семейного воспитания детей если и ставятся, то факультативно.

Поистине «мир управляется из детской». Сегодня детство в опасности: в книге С. Чбоски «Хорошо быть тихоней» современный герой-подросток

участвует в вечеринке с "травкой" и сексом, видит странные отношения Патрика и Брэда, переживает насилие, самоубийство друга, «когда его мамаша играла в бридж». Что может уберечь от «отравы» мира? Скорее всего возрождение наших национальных архетипов детства, национального образа детства. В современном культурном множестве представлений о детстве важно, чтобы черты русского детства с такой впечатляющей силой, воссозданные в отечественной литературе, в том числе и в творчестве Н.Г. Гарина – Михайловского, не исчезли, не затерялись.

В советский период нашей истории творчеству Н.Г. Гарина – Михайловского уделялось большое внимание («народник», «марксист»). Сейчас его книги, основная из которых тетралогия «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры», незаслуженно забыты. Одно из последних исследований – ранее упомянутая диссертация Н.М. Крыловой. Крылова, рассматривая тетралогия «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры», связывает взросление героя с моментами кризиса: «Гарин рисует процесс духовного становления своего героя, отбирая этапные, «кризисные» эпизода. Однако только в повести «Детство Темы» можно увидеть, что, подобно герою Л.Н. Толстого, Тема меняется в результате неожиданного духовного кризиса, своего рода нравственного откровения» [30]. Автор работы считает, что новыми художественными открытиями Гарина – Михайловского является «диалектика действия», «диалектика деяния» – своеобразные «приращения» к открытой Толстым поэтики «диалектики души» ребенка.

Соглашаясь с этим, все же полагаем, что и кризисные моменты, и «диалектика действия» обусловлены прежде всего представлениями Гарина – Михайловского о характере отношений ребенка с окружающим его «взрослым миром» – детство не индивидуальное странничество. Как представляется, «приращения» Гарина заключается также и в том, что интерес художественный он соединяет с интересом общественным, показывая, как с детских лет формируется «эпохальное сознание» (К. Ясперс).

Д.Н. Овсяннико-Куликовский этот процесс описал в своих «Воспоминаниях»: «Помню и наивное чувство душевного удовлетворения, почти гордости по тому случаю, что вот, мол, и я – «радикал», «нигилист», некоторым образом приобщился к сонму «передовых людей», исповедую крайние мнения, «отрицаю», «протестую» и - что особенно заманчиво и жутко отраднo - рискую, чего доброго, «пострадать за убеждения». Что касается собственно этих «убеждений», то никак нельзя было бы определить с точностью, в чем они состояли ...». «Вы какие журналы получаете?» - спросит у Тёмы Карташева товарищ по гимназии Корнев. В пьесе Гарина «Подростки» гимназисты четвертого класса знакомы с идеями анархистов, марксистов. Они готовы умереть за идеи, даже репетируют последнюю речь перед казнью («Господа! Вы меня убиваете. Но что я? Я ведь и жить не начинал еще. Убьете еще несколько тысяч таких, как я. Убьете, потому что вы неграмотны, потому что не знаете всемирной истории, потому что сила не во мне и не в них, кого вы убьете, а в идее, которую убить нельзя, потому что... Ну хотя бы потому, что у нее шеи нет и повесить ее нельзя...»). Не только рай «детской» изображал Гарин, но и власть «книжных» идей над молодыми неокрепшими умами и ее последствия.

Наблюдения и анализ собственного опыта учебы в Ришельевской гимназии, собственных «убеждений» - сначала народнических, а затем марксистских (несмотря на знакомство с великими князьями, барскую жизнь), обусловили и художественную позицию Гарина: «Предпочитаешь наблюдать, анализировать, обобщать, делать выводы и проверять их жизнью» (Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России»). Все это определяет основной вопрос, важный и для нашего времени: детство необходимо «опекать» или его надо «подготавливать»? Какие идеи сопровождают вхождение в жизнь молодого поколения и как они влияют на юное сознание? Гарин-Михайловский в своей художественной «формуле» детства отвечает на него. Не ставя задачу сравнивать повести Гарина – Михайловского с современной литературой о детстве, все же отметим: его

концепция в чем-то напоминает концепции детства в «Повелителе мух» У. Голдинга, «Саньке» З. Прилепина. Точка пересечения – захват «территории детства» искаженным миром взрослых, влияние дурных идей на неокрепшее юное сознание.

Всем сказанным определяется **актуальность** и **новизна** дипломной работы **«Концепция детства и юности в автобиографической прозе Н.Г. Гарина- Михайловского».**

Объект исследования – русская литература XIX века. Его **предмет** – автобиографические повести Н.Г. Гарина – Михайловского «Детство Темы» и «Гимназисты».

Материал исследования – повести Н.Г. Гарина – Михайловского «Детство Темы» и «Гимназисты».

И.В. Гете говорил: «Во всяком произведении искусства, великом или малом, вплоть до самого малого, все сводится к концепции» (Эккерман И.-П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1981). Концепция выявляет смысловые доминанты в художественном произведении и может представлять их как идеи, что, несомненно, сужает художественно-эстетическое «звучание» произведения. В другом понимании концепция рассматривает человека и мир в их взаимосвязанности.

Целью дипломного исследования является стремление его автора определить концепцию детства Н.Г. Гарина – Михайловского именно с этой позиции.

Гипотеза данной работы. Концепция детства как счастливой невозвратимой поры представлена в произведениях Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, И.А. Гончарова, А.Н. Толстого в образах семейного дома, природы, в «диалектике души» ребенка, подростка, окутанных ностальгической дымкой воспоминаний о детстве как земном рае. Иная концепция в произведениях Ф.М. Достоевского, и она связана с детством «оскорбленным и униженным» социальными условиями («Мальчик у Христа на елке», «Неточка Незванова»), с детством, зараженным дурными идеями мира взрослых (таков Подросток,

испытывавший влияние «идеи Ротшильда» – «идеи паука»). Н.Г. Гарин – Михайловский вырабатывает свою «формулу» детства, в которой сочетаются обе концепции: «детский рай» жизни Темы Карташова не идиличен, поскольку не свободен от влияния идей «взрослого мира».

Цель и гипотеза определила **задачи** дипломного исследования:

1. Рассмотреть феномен детства в русской культуре XIX в.
2. Определить основные концептуальные «формулы» детства в творчестве Аксакова, Толстого, Гончарова, Достоевского
3. Выявить связь повестей Н.Г. Гарина – Михайловского с традициями русской литературы о детстве.
4. Исследовать поиск «дороги детского счастья» Н.Г. Гариным-Михайловским в повестях «Детство», «Гимназисты».

Основные методы исследования: сравнительно-исторический, типологический, социологический.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В произведениях отечественных классиков о детстве нашли отражение национальные представления о духовности (чувство собственного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, уважение и доверие друг к другу, отрицание «лжи и зла эгоизма», вера в то, что в каждом человеке изначально есть духовные силы). Возвращенные в семье, эти качества являются важными факторами «пробуждения сердца». «Счастливое детство» и детство «униженное и оскорбленное» контрастно представлены в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.
2. Толстой воспроизводит мир «усадебного детства»: русская усадьба с ее центром – барским домом, родовым бытом семьи – это тот фон, который репрезентирует поэтику счастливого детства в повести «Детство» («пространство – судьба и воспитатель» – И.Ильин). Концепции «счастливого детства» «овеществляется» в его приметах: в русской природе, окружающей дом – центр

усады, в духовных маркерах жизни – музыка, чтение, учеба, игры, семейная общность как совместное переживание событий. «Диалектика души» Николеньки раскрывается как естественные реакции ребенка на эти «сигналы» пространства.

3. Концепция «униженного и оскорбленного» детства в произведениях Достоевского связана со «случайной семьей» и репрезентирует себя в почти криминальных сюжетах о детстве. Такое детство обитает в замкнутом пространстве убогих комнат, лишено семейной общности, это покинутое и семьей, и обществом детство. Взрослый мир вторгается на территорию детства как мир порочный. В сущности, такое детство - это трагический «выкидыш общества».
4. В повестях Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» и «Гимназисты» обнаруживается связь с как концепцией «счастливого детства» Толстого, так с концепцией Достоевского. Как и Толстой, Гарин видит условия для «счастливого детства» в естественной доброй природе ребенка, в родовой жизни семьи с твердыми нравственными устоями, в возможности овладеть культурой, в изначально правильном «естественном» процессе детства. Пластичность детской психологии представлена им в «диалектике души» Темы Карташева, изначально доброй природе ребенка, подвергающегося испытаниям внешнего мира.
5. «Приращения» Гарина-Михайловского, то новое, что представлено в его концепции детства, относится к нарушению естественного процесса детства. Естественная добрая природа ребенка искажается под воздействием грубого вмешательства «взрослого мира»: равнодушие и жестокость учителей (несправедливые наказания в гимназии, схоластический характер образования), недобрых взрослых (кража гимназической формы Темы стариком); влияние «идеологов»; наблюдение порочности

жизни семей (кутежи в семье Корнева, лицемерие всех взрослых ее представителей, знакомство с пропойцами Беренди); ранний сексуальный опыт. Это тесное соприкосновение с миром «без мелодии, без аккордов высших звуков», как и «отрыв» от семьи, сопутствуют негативной перестройке детской души, нарушению ее «святости» и уводят от «счастливого детства» к несчастливой жизни. Если Толстой описал диалектику «счастливого детства», Достоевский детства поруганного, то Гарин-Михайловский вскрыл социологию детства, формирование в подрастающем поколении «эпохального сознания», показав проникновение в мир детства практически всех слоев общества и негативные последствия этого вторжения, нарушающего гармонию детства.

Теоретическая значимость работы связана с расширением представлений о концепции детства в автобиографических повестях Гарина – Михайловского «Детство», «Гимназисты», о духовных основах семьи, свойственных национальному представлению о счастливом детстве, о формировании не только «духовного инстинкта», но и «эпохального сознания» молодого поколения.

Практическая значимость определяется возможностью обращения к результатам данного исследования на практических занятиях по русской литературе, в живой учительской практике.

Структура дипломного исследования: работа состоит из двух глав. Первая глава «Тема детства в творчестве русских писателей» включает в себя следующие параграфы: «Феномен детства в русской культуре XIX в.»; «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства»; ««Униженное и оскорбленное»» детство». Вторая глава «Поиск «дороги детского счастья» Н.Г. Гариным-Михайловским в повестях «Детство Тёмы» и «Гимназисты»» включает в себя параграфы «Традиции русской литературы о детстве: «диалектика души» Тёмы Карташева в повестях «Детство Тёмы» и «Гимназисты»»; ««Формула» счастливого детства в произведениях Н.Г.

Гарина-Михайловского»; «Ранняя юность и её идеалы (повесть «Гимназисты»»).

Библиография представлена списком из 65 наименований.

ГЛАВА I. ТЕМА ДЕТСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

1.1. Феномен детства в русской культуре XIX в.

В литературе и культуре тема детства – одна из вечных тем. Литературные произведения о детстве могут читать как дети, так и взрослые. И для тех, и для тех эти произведения будут полезны, ведь помогают понять, какими глазами ребенок смотрит на мир, постичь отношение взрослых к детям, демонстрируют разные аспекты детства, положительные и отрицательные – невинность, радость, безопасность, неуверенность, незащищенность, страдания и боль.

Читать о детстве – это всегда хороший повод для рефлексий, потому что всегда сочувственно относишься к маленькому герою и с кучей переживаний наблюдаешь за его судьбой, вспоминаешь себя. Почему это происходит? Потому что мы все когда-то были на месте этого героя, все проходили то же или похожее, что происходит с персонажем.

Детство – это уникальный период в жизни человека. Оно играет немаловажную роль в формировании характера, мировоззрения, эмоциональной стабильности и нравственных ценностей. Ребенок учится воспринимать мир, получает первые знания, познает новые эмоции, развивает в себе творчество и устанавливает первые социальные связи. Тема детства также вечна, поскольку она отражает самые основные и распространенные ценности людей, которые остаются неизменными на протяжении многих лет. Эти ценности таковы: любовь, дружба, понимание, помощь и защита детей. Сосредоточенная на детстве литература помогает сохранить эти ценности и отражает их важность в гармоничном обществе. Обойти период детства невозможно и то, что повлияет на ребенка в это время, станет фундаментом его жизни [48].

Исследования психологов позволили сформировать представление о детстве как универсальном этапе развития. Детство есть социокультурное явление с конкретно-историческим характером. Оно влияет на то, кем человек

становится и является важным аспектом собственной ментальной истории. Характер и содержание каждого периода детства определяется социально-экономическими и этнокультурными особенностями общества, в котором произрастает ребенок, в частности, системой общественного воспитания. Наши народные пословицы и поговорки свидетельствуют о радости и счастье материнства. Даром Божиим считает ребенка этнопедагогика [4; 9].

Детство является неотъемлемой составляющей жизни и культуры любого народа и человечества в целом. Эти воспоминания сопровождают жизнь. Детство есть накопленный опыт, который формирует способ восприятия мира. Кроме того, детство сближает людей, которые могут делиться воспоминаниями, что в свою очередь формирует общий нарратив для определенной группы людей. Противоречия в оценке мира между ребенком и взрослым могут возникать из-за того, что взрослый воспринимает мир в парадигме соблюдения правил, установленных властью, тогда как ребенок подходит к нему с гораздо большей свободой, живя в данный момент, не думая вперед [1; 57; 65].

К сожалению, опрометчивость и безответственность взрослых могут приводить к обстоятельствам, негативно влияющим на детей, поэтому в период детства максимально благоприятные условия и окружение критически важны.

Сегодня, как отмечает Е.Ю. Удалых, к детству относятся как к чему-то должному, к тому, что необходимо получить в результате воспитания и развития. Такая тенденция приводит к потере понимания детства в качестве самоценного явления как такового [58, с. 3].

Довольно распространенным является мнение о том, что детство является своеобразным этапом формирования человека, периодом, предшествующим взрослости, обусловленным определенной спецификой развития психических процессов. Сегодня данная точка зрения считается не обозначенной и недостаточной. Очевидным по мнению Е.Ю. Удалых, является тот факт, что «взросление ребенка, расширение его возможностей в

познании мира сопровождается многими потерями, и, прежде всего, утратой мироощущения целостности и гармоничности бытия. Вес это показывает необходимость философско-антропологического осмысления данного феномена, которое может послужить основанием и методологической базой для более продвинутых и адекватных подходов в изучении детства» [58, с. 4].

Детство стало объектом научного исследования в XIX в., которое Э. Кай назвала «веком ребенка», так как он «выдвинул ребенка на более видное место и сделал его предметом строгой науки», а «открытие ребенка, его отделение от взрослого человека имеет не меньший вес, как и научное наблюдение Галилея о том, что не Солнце ходит вокруг Земли, а Земля вокруг Солнца. Не сам ребенок должен приспособить себя к нашим методам, а наоборот: наши методы должны быть приспособлены к каждому ребенку» [51, с. 21].

Начали рассмотрение детства как этапа, при котором закладывается будущая жизнь личности с XIX века. Уже стал более серьезным подход к законодательству об охране детства, появились новые концепции, рассматривавшие вопросы воспитания и развития ребенка. Также произошел значительный прогресс производства детских товаров (игрушек, книг, одежды), появилось много новых научных работ, освещавших разные аспекты детства. Этот период был отмечен отделением мира детства от мира взрослых, что привело к повышению социального статуса детей [19].

Если детство во время индустриальной эпохи было длиннее, то сейчас из-за глобальных быстрых изменений, зависимости от информационных технологий и духовной деградации период детства сокращается. Поэтому мы можем говорить о переосмыслении феномена детства при современных процессах.

В отечественной науке накоплен значительный опыт теоретических и эмпирических знаний по проблемам детства. Первые подходы к осмыслению проблем детства, его роли в обществе содержались в трудах античных философов. К проблемам детства обращались Платон, Аристотель, Э. Роттердамский, М. Монтень, Ф. Бэкон, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант,

Г. Гегель и т.д. Однако, феномен детства философы рассматривали однобоко и поверхностно, в основном в двух аспектах – воспитания и права; к тому же и в первом, и во втором случае преобладала идея несамостоятельности, зависимости и не только ребенка [61]. К примеру, Платон (428–347 гг. до н.э.) и Аристотель (384–322 гг. до н.э.) опираются на основные нормы права, которые были установлены в античности по отношению к неспособным членам общества (рабы, женщины, дети). В концепции Г. Гегеля (1770–1831) ребенок трактуется как существо, подлежащее воспитанию. Г. Гегель, как и И. Кант (1724–1804), особое внимание уделяет правовому аспекту детства. Как отмечает С. Русова, первые лучшие наблюдения относительно детства дали только Ж.-Ж. Руссо (1712-1765), И. Песталоцци (1746-1827), Ф. Фребель (1782-1852). В частности, известный французский философ-просветитель, педагог Ж.-Ж. Руссо замечал, что ребенок – это не маленький взрослый, и пожилые не всегда могут понять особенности детского ума, желаний, чувств [51, с. 21].

В русской культуре на рубеже XIX–XX вв., согласно утверждению Л.К. Нефедовой, феномен детства находился в центре внимания философов. Этот период отмечается тем, что процесс становления русской философии постепенно завершался [42]. «В первые три четверти XIX в. русская философская мысль в своем проблемно-тематическом многообразии была интегрирована в литературно-художественную, литературно-критическую, журналистскую, политическую и педагогическую теорию и практику. Этот полифонический дискурс носил просветительский характер и явился основанием специфического, собственно философского понимания мира и человека в русской культуре и, в частности, понимания природы детства и ребенка» [42, с. 25].

В первые три четверти XIX в. вызревание философского осмысления детства, по мнению Л.К. Нефедовой, имплицитно осуществлялось «в масштабном русском культурном проекте развития детской литературы, детской книги и педагогики детского чтения» [Там же].

В первой половине XX ст. философ, психолог и педагог В.В. Зеньковский, исследуя философский портрет ребенка, видел в нем органическое единство мудрости и наивности одновременно, которое с первых минут жизни наделено индивидуальными особенностями, которые постепенно под влиянием жизненных обстоятельств начинают особенно ярко отражаться. Господство реального «Я», слабая власть эмпирического «Я» приводят к тому, что в детях нет ничего искусственного, вынужденного; ребенок непосредственно действует в соответствии со своими чувствами; именно благодаря этому детство полно действительно духовной воли [24, с. 216].

В современных научных философских исследованиях детство рассматривают как фундаментальный бытийно-утверждаемый и по существу творческий феномен, как животворный источник человеческого существования и человеческой личности, а иногда, по мнению Л.К. Нефедовой, детство выступает критерием, с помощью которого определяют другие философские понятия [43, с. 6]. По словам А.Г. Кислова, рефлексивно-философское обращение к проблеме детства позволяет конституировать социокультурную сущность личности в различных дискурсах о ребенке как об особом типе человека [28, с. 8]. В частности, это касается и художественного дискурса.

Психологический подход включает концептуальные исследования особенностей психического развития детей. Развитие детской психологии началось в XIX в. исследованиями французских психологов А. Бине и Т. Симона об умственном развитии детей. Значительный интерес к исследованию проблем детства в XIX в. способствовал созданию отдельной науки о детях – педологии как области общей психологии. Термин «педология» употребляли как синоним терминов «психология ребенка», «педагогическая психология» – это была комплексная наука, которая содержала психологические, физиологические и педагогические знания о ребенке. Как утверждал В.В. Зеньковский, «в системе наук о ребенке

(«педологии») психология детства, конечно, должна занимать центральное место» [24, с. 11-23].

В начале XX века исследование детской психологии приобрело в Европе широкий размах. Как отмечал И. Сикорский, «детская психология – великое дело, а умение увязывать эту психологию с психологической судьбой будущей личности – еще более важная задача» [54, с. 284]. Психологический подход в основном представляют концептуальные исследования по психическому развитию ребенка, которые можно сгруппировать по следующим направлениям:

- концепции психологического развития детей (Л. Божович, П. Блонский, Л. Выготский, Д. Эльконин, А. Запорожец, Г. Люблинская);
- концепции периодизации детского развития (Л. Выготский, Д. Эльконин);
- концепции познавательного развития детей (Л. Венгер, В. Давыдов, А. Дяченко);
- концепции социально-психологического развития (В. Абраменкова, В. Москаленко, Л. Обухова, Э. Субботский).

В психологической научной литературе «детство» рассматривают как постоянно возобновляемую совокупность индивидов, находящихся на особой стадии жизненного цикла от рождения до совершеннолетия, и одновременно - как динамическое социальное явление, строящееся на особых общественных связях и взаимоотношениях, направленность которых определяет статус ребенка как объекта воспитания и одновременно как субъекта общественной жизни [50, с. 51].

Несмотря на существование разных подходов к трактовке понятия «детство», все они утверждают, что детство является частью жизни и культуры народа и напрямую связано с тем или иным периодом развития общества, влияющим на его функционирование. Как на этот счет отмечает И.С. Кон, детство и общество взаимосвязаны так, что понимание обществом самого себя является возможным только в случае знания закономерностей своего детства.

При этом понимание мира детства невозможно без знания истории и особенностей взрослой культуры [31].

Согласно мнению Е.Е. Диановой, И.С. Кон занимался изучением темы детства в контексте ее культурно-исторического значения в России. Ученый особое внимание уделял психологическим особенностям детей разных возрастных групп, в частности, рассматривал наиболее характерные для них чувства и эмоции. «Мир детства – неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом... Общество не может познать себя, не поняв закономерностей своего детства, и оно не может понять мир детства, не зная истории и особенностей взрослой культуры» [20].

Относительно осмысления феномена детства в художественной литературе осуществлялось в контекст становления детской литературы.

Детская литература считается частью общей литературы, специфика которой обусловлена адресатом – ребенком. В XIX в. отмечены существенные изменения в писательской практике: популярность приобрели научные и художественные произведения, составившие золотой фонд русской детской литературы. Данными произведениями стали: «Черная курица» (А. Погорельский), «Городок в табакерке» (В.Ф. Одоевский), «История России в рассказах для детей» (А.О. Ишимова) [42].

Появление подобных произведений было обусловлено тем, что художественная литература для детей XVIII в. уже не соответствовала детям XIX века и не могла, в связи с этим удовлетворить потребности практической педагогики в вопросе развития и образования молодого поколения [Там же].

Л.К. Нефедова отмечает, что: «Русская детская литература XIX в. отразила изменение смыслов оппозиции «взрослый – ребенок». Безусловный диктат взрослого в форме поучительного монолога, длившийся вплоть до конца XVIII в., в XIX в. уступает место диалогу взрослого и ребенка. Диалог актуализирован в поэтической сказке, намекающей на урок «добрым молодцам», в романтической повести, раскрывающей состояние ребенка,

обучающегося в закрытом учебном заведении, в доверии к способности ребенка к познанию мира. Ребенок из объекта воспитательного воздействия становится субъектом познания, открывающим мир» [Там же, с. 26].

Русские писатели открывали внутренний мир ребенка, экзистенциальность детства. «Русский ребенок, находясь в менее насыщенном событийном пространстве, чем ребенок в сказках Гофмана, Гауфа и Андерсена, имеет более насыщенное внутреннее экзистенциальное пространство, чем, например, Мари в «Щелкунчике и мышинном короле» или Карлик Нос в сказке Гауфа и даже Кай и Герда у Андерсена в «Снежной королеве». Во взаимодействии с литературной критикой и практикой образования русская детская литература XIX в. явилась формой философского понимания феномена детства и ребенка. Это позволяет говорить о философии детского чтения как концепции инкультурации и социализации, явившейся результатом указанного взаимодействия» [42].

Литературные образы детства – это широкое поле для исследований. С одной стороны, в произведениях часто видим определенную замкнутость в своем мире детских образов, где ребенок имеет определенную защищенность от негативного влияния со стороны внешней среды, или теплые воспоминания о беззаботном периоде жизни. С другой же – сложные, неприятные или шокирующие события, которые тем или иным образом повлекли за собой конец счастливого детства или сделали его омраченным определенными негативными обстоятельствами.

Литературные персонажи часто воспроизводят в памяти образы с детства, которые помогают им переосмыслить свою жизнь: детские воспоминания становятся причиной перемен во взрослой жизни. Могут отражаться как теплые воспоминания о семейном доме, так и сложные обстоятельства, которые привели к концу счастливого детства. Опыт детства помогает героям понять события, помогает им отыскать объяснение, причину или, возможно, ключ к чему-то. Возвращение в детство также является стратегией переживания сложных времен [12; 15; 36]. Момент самых

напряженных эмоций часто инициирует внутренний рассказ, во время которого герой воспроизводит образы с детства; он запутывается в том, а детские воспоминания становятся тогда толчком к переосмыслению бытия.

Сейчас мы более чем когда-либо раньше понимаем, насколько важно, чтобы писатели отражали образы детей и детства с разных перспектив, показывали кризисные периоды детства. Тексты, в которых модели поведения героев могут стать новым эмоциональным опытом для читателей и определяющими элементами в формировании ценностных ориентаций, мировоззрения и жизненных позиций в будущем крайне необходимы современному поколению.

Таким образом, детство является неотъемлемой частью образа жизни и культуры любого народа и человечества в целом, а также объектом государственной политики в сфере охраны детства, которую необходимо, по нашему мнению, формировать и реализовывать на основе государственно-управленческого детоцентрического подхода к пониманию феномена детства, учитывая концептуальные подходы и наработки в разных науках и с разных позиций.

1.2. «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства»

В русской литературе классического и последующих периодов детство зачастую является предметом художественного изображения. Сегодня в литературоведении отмечается возрастающий интерес к проблеме детства.

Традиционно феномен детства в литературоведении связан с изучением творческого наследия конкретного писателя, его художественных и духовных поисков, открытых им новых изобразительных средств, с исследованием его индивидуальной творческой эволюции. В этом ключе интерес для исследователей представляет трилогия Л.Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность», произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника» и

«Детские годы Багрова-внука», глава IX «Сон Обломова» романа И.А. Гончарова «Обломов» [62].

Изучению перечисленных произведений посвятили свои исследования многие ученые. Так, В.Н. Криволапов проводил анализ «Сна Обломова» И.А. Гончарова на предмет отражения в нем пространственно-временной структуры. Ученый отметил наличие в произведении «циклического времени» и «замкнутости «обломовского пространства». Рассматривая повести о детстве Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Л.Н. Савина говорит о «бинарности пространственной структуры». В итоге анализа она пришла к выводу, что: «Авторы автобиографических повестей о детстве изображали локализованный во времени и пространстве идиллический мир» [Там же].

Н.Г. Николаева, исследуя пространственно-временную структуру повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», пришла к выводу о том, что «для самого героя небольшое замкнутое пространство оказывается универсальной моделью окружающего мира» [44, с. 167].

В исследовании прозы о детстве в русской литературе отмечается и другое направление, состоящее в изучении и описании жанровых особенностей таких произведений. В данном контексте вопрос соотношения документального и художественного начал стал, в частности, в центре внимания оказалась проблема автобиографизма и автопсихологизма. В современных литературоведческих работах актуализированы такие жанровые определения, как мемуары, автобиографическая повесть, автобиографическая хроника, мемуарно-автобиографическое произведение, автопсихологическое произведение.

Согласно мнению О.Н. Белокопытовой, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова относится к «мемуарно-автобиографическим произведениям», поскольку «это не столько воспоминания автора, сколько воспоминания и рассказы других», а «Детские годы Багрова-внука» – это «автобиографическое произведение, где воссоздать мысли и чувства ребенка помогает собственная память писателя и отчасти воспоминания других» [6, с. 12].

Наряду со сказанным, согласно точке зрения А.А. Нестеренко, авторское начало трилогии Л.Н. Толстого не позволяет отнести ее к автобиографической хронике», поэтому целесообразно определить жанр произведения данного автора как автопсихологический [41, с. 18].

Л.И. Белый также занимался изучением вопроса автобиографизма в художественной прозе о детстве. Исследователь приходит к выводу, что повесть Л.Н. Толстого «Детство» обладает «духом откровенного автобиографизма», который проявляется через «применение определенного приема повествования: оно от начала и до конца ведется от первого лица» [7, с. 6].

На основе исследования посредством методов лингвистического анализа Н.А. Николина отмечает, что важной особенностью жанра автобиографических повестей, посвященных феномену детства, определяется тем, что повествование в них ведется от первого лица. Кроме отмеченного также в данных произведениях присутствует установка на достоверные воспоминания о прошлом, характеризующиеся усложненной структурой и отличающиеся особым характером художественного времени [62].

Согласно утверждению Н.Г. Николаевой такие произведения С.Т. Аксакова, как «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука», характеризуются наличием характеристик и документальной прозы, и художественной [44].

Ряд исследований, объединенных интересом к теме детства в русской литературе, обращаются к вопросам ее историко-литературного осмысления. По мнению Е.Ю. Шестаковой, исследования в этой области характеризуются фрагментарностью, ориентированностью на изучение локального материала. В данном контексте Г.Г. Елизаветина, рассматривая повесть А.Н. Толстого «Детство Никиты», приходит к выводу о наличии в нем «традиционного для русской литературы героя (растет в дворянской семье, в атмосфере благополучия, на лоне природы, окруженный любящими родителями)». В результате проведенного исследования Г.Г. Елизаветина

констатировала, что в повести «Детство Никиты» нет «развернутой истории формирования личности, ее роста, развития, резких переломов в сознании» [62].

По мнению В.И. Мельника, в произведении «Сон Обломова» И.А. Гончарова провед параллель с «золотым веком», который изображен в «Трудах и днях» Гесиода» [62].

Е.М. Кирюхиной в повести А.Н. Толстого «Детство Никиты» осуществлялся анализ таких литературных мотивов, как «мотив сна» и «мотив оживающего портрета». Анализ, проведенный Н.Г. Николаевой повести С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» позволил ей сделать вывод о наличии в произведении ряда следующих образов и мотивов: «образ дома», «образ счастливого места», «мотив «золотого века», «идиллический образ патриархальной жизни», «мотив изобилия» [Там же].

М.Б. Проханова, рассматривая изменения в образе героя трилогии Л.Н. Толстого, приходит к выводу, что «все впечатления, возникающие у героя, способствуют формированию его взрослеющей личности. По мнению Н.Г. Николаевой, организующим началом повествования является идея становления личности в трилогии Л.Н. Толстого и повести о детстве С.Т. Аксакова [Там же].

В произведениях Л.Н. Толстого и С.Т. Аксакова о детстве распространенными являются традиционные мотивы «потерянного рая» и «блудного сына», которые появляются здесь потому, что «писатели, придерживающиеся патриархальных взглядов, стремились воспроизвести «свой», усадебный мир, наполненный счастливой поэзией детства и тоской взрослого героя о безвозвратно прошедшем времени» [62].

С.Ю. Бондарь рассматривают вопрос о художественной близости произведений Л.Н. Толстого и С.Т. Аксакова. В данном контексте ученый отмечает своеобразие каждого автора в раскрытии темы детства, обусловливаемое, в первую очередь, предназначением этих произведений для разной возрастной аудитории. Так, изначально читателями повести

Л.Н. Толстого были взрослые люди. Повесть С.Т. Аксакова предназначалась для детей. Различия данных повестей также наблюдаются в композиции, системе образов, способах создания характеров. В произведении Л.Н. Толстого описываются два дня, особое значение придается душе подростка и тому, что в ней происходит. В произведении С.Т. Аксакова изображен важный этап в жизни главного героя. При этом внимание уделяется не душе ребенка, а окружающей его среде [49].

А.Г. Татьяна, исследуя произведения о детстве Л.Н. Толстого и С.Т. Аксакова, концентрируется на проблеме жанра семейного романа. Исследователь считает, что произведения обоих писателей относятся именно к данному жанру, поскольку образ семьи в них является центральным. Авторы демонстрируют разные способы создания данного образа, к примеру, С.Т. Аксаков описывает правильную, крепкую, счастливую семью. Наряду с этим Л.Н. Толстой в своем произведении, наоборот, показывает читателям историю постепенного разрушения семьи Иртеньевых [Там же].

Рассмотрим на примере главы «Маман» из «Детства» Л.Н. Толстого. В этой главе рассматривается такая важная тема, как роль матери в жизни ребенка. Перед нами вырисовывается образ очень нежной, заботливой женщины, понимающей матери. Мать остается для главного героя опорой и поддержкой, даже когда становится воспоминанием: «Если бы в тяжелые минуты жизни я хоть мельком мог видеть эту улыбку, я бы не знал, что такое горе» [Л.Н. Толстой «Детство»]. Все самое светлое, доброе и искреннее, что герой видел с самого детства, остается с ним до самого конца. Она остается с ним не целостным образом, а лишь отдельными чертами «карие глаза, выражающие всегда одинаковую красоту и любовь»; «рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал», это демонстрирует то, что герою ценны те чувства, что он испытывал, находясь с нею рядом.

Стоит отметить, что в повестях о детстве Л.Н. Толстого, С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского отражаются патриархальные взгляды писателей, которые стремились «воспроизвести «свой», усадебный мир, наполненный

счастливой поэзией детства и тоской взрослого героя о безвозвратно прошедшем времени» [52, с. 139].

В отечественном литературоведении отдельно стоит упомянуть и работы, посвященные теме детских страданий в русской литературе, в частности, в произведениях Ф.М. Достоевского, Ф. Сологуба, А.П. Чехова, Саши Черного, А. Аверченко и др. Данные труды, как правило, посвящены осмыслению художественной картины мира конкретного писателя, его социальных и философских взглядов, его творческой манеры. С другой стороны, как отмечает О.В. Шестакова, в литературоведении практически не предпринималось попыток изучения вопроса о появлении темы детских страданий в русской литературе в определенный исторический период, о ее концептуальной соотнесенности с темой счастливого, безоблачного детства [62].

В русской литературе традиционно истоки появления этой темы (темы счастливого, безоблачного детства) усматриваются во влиянии западноевропейской романной традиции. Центральное место в этом вопросе принадлежит Ч. Диккенсу с его интересом к «незащищенности детства с его обостренной чувствительностью, нравственным максимализмом, доверчивостью в жестоком и эгоистическом мире взрослых». Влияние Ч. Диккенса на русскую литературу действительно велико, и многочисленные исследования, посвященные данной проблеме, не оставляют в этом никаких сомнений. Однако, на наш взгляд, в своих концептуальных подходах к теме детства героя Ч. Диккенс кардинально отличается от того, что предложила русская литература XIX столетия. На уровне представлений о детстве, о его месте и роли в человеческой жизни эти различия обнаруживают себя с особой очевидностью. Причем, поскольку роман Ч. Диккенса, несомненно, восходит к традициям европейского романа воспитания XVIII столетия, мы считаем правомерной постановку вопроса о своеобразии русских литературных представлений о детстве на фоне аналогичных западноевропейских

представлений, воплощенных как на уровне содержания литературных произведений, так и на уровне художественной формы [Там же].

В середине XIX века в русской литературе тема детства стала одной из ведущих. Именно в этот период появляются произведения, в которых личность ребенка выдвигается на первый план, среди которых стоит назвать произведения «Бежин луг» И.С. Тургенева, «Обломов» особо выделена глава «Сон Обломова» И.А. Гончарова. К примеру, И.А. Гончаров подробно рисует идиллические картины детства маленького Илюши Обломова, объясняя тем самым истоки характера главного героя. Отдельно отметим, что «Сон Обломова» был опубликован еще до выхода в свет всего романа [49].

В 40-50-е годы XIX века детство героя в русской литературе становится одним из приоритетных предметов художественного изображения, пристального внимания. Значительный круг произведений, разрабатывающих тему «украденного детства» или «счастливого детства», одинаково рассматривает его вне прямой связи с взрослой жизнью героя. При этом в литературе об «украденном детстве» подчеркнута противоположность, иноприродность детского и взрослого мира, их открытое противостояние, а «счастливое детство» отделено от последующих этапов жизни героя резким, категорическим разрушением устоев мира ребенка [62].

В XX веке литературная модель «счастливого детства», получившая свое оформление в русских произведениях 40-50-х годов XIX века, обретает новые и неожиданные черты в среде писателей русского зарубежья первой волны: А.Н. Толстой «Детство Никиты» (1922), И.С. Шмелев «Лето Господне» (1927-1933), И.А. Бунин «Жизнь Арсеньева» (1930), Б.К. Зайцев «Путешествие Глеба» (1934-1953), М.А. Осоргин «Времена» (1938-1942) [57].

В центре этих произведений – образ ребенка, растущего в уютном и защищенном «малом мире» дворянской усадьбы, окруженного любящими близкими, а также членами «большой семьи» – слугами, крестьянами, рабочими [Там же].

Его жизнь в кругу «малой» и «большой семьи», так же, как и у литературных предшественников, проходит среди семейных трапез, обрядов, обычаев. В результате время приобретает подчеркнуто циклический характер. Слитность героя с природой, жизнь в соответствии со сменой времен года, наслаждение красотой окружающего мира, рожают чувство «райского счастья», гармонии бытия [Там же].

Стоит отметить, что повесть «Детство» Л.Н. Толстого представляет собой своеобразное бесфабульное произведение, которое соединяется с остальными частями трилогии не событиями, а очередностью сцен, подробно развернутых во времени [18, с. 15]. Параллельно с ходом времени герой перемещается по дому, из одной комнаты в другую, все события свершаются в пределах замкнутого пространства, как и настоящая чувственная жизнь протекает во внутреннем мире мальчика.

О.В. Железова отмечает, что «психологически это обоснованный прием, ребенок видит и постигает мир во всех мелочах и деталях, формах и красках и уделяет внимание всему тому, что взрослому кажется неважным или незначимым, вследствие чего может не учитываться вообще. Жизнь зрелого человека состоит из больших мазков, рисунок детства раскрывается в деталях. Из этого свойства детской психики складывается особенность возрастного периода, когда наряду с радостью и доверием к миру в сознании ребенка живут страхи и тревога» [23, с. 126-127].

Согласно мнению О.В. Железовой, в повести «Детство» Л.Н. Толстой показывает детство как явление, как персонаж. В произведении автор «помещает данный период между двумя смертями мамы – выдуманной и действительной – и далее прячет в шкатулку дорогих воспоминаний. Все последующие произведения писателя уже не будут носить такого трогательно-ностальгического и сентиментального характера» [Там же].

Итак, середина XIX века в России ознаменована возникновением произведений, посвященных детству. Концепция изображения счастливого детства состояла в том, чтобы показать рост и развитие героя в семье, которая

показывалась как идиллическая, ребенок растет в уютном и защищенном «малом мире» дворянской усадьбы, окруженного любящими близкими.

Истинную духовность в ребенке способна воспитать его родная культура, её духовные национальные корни. В русской литературе нашли отражение такие стороны русского представления о духовности, как нравственность, чувство собственного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению и взаимное уважение и доверие людей друг к другу, ответственность за свои поступки, свобода и творчество, отрицание «лжи и зла эгоизма», «инстинктивное правосознание», вера в возможность новой духовности, богочеловеческой (духовность не христианская, если в ней исчезает чувство любви к ближнему), а также в то, что в каждом человеке изначально есть духовные силы, реализовать которые предстоит человеку в течение жизни, ответственность человека не только за свою судьбу, но и за судьбу всего мира, возвращенные в семье, являются важными факторы «пробуждения сердца «Пробуждение сердца» в ребенке с особой силой показали Толстой и Достоевский.

У Толстого мысль о детстве связана с «мыслью семейной»: об этом свидетельствует то, что судьбы почти всех персонажей Толстого связаны с семьей, ее традициями (ср.: семья Курагиных и семьи Ростовых, Болконских). Когда Софья Андреевна после рождения пятого ребенка больше не захотела иметь детей, у Л.Н. Толстого возникла мысль о разрыве: брак без деторождения для него представлялся явлением греховным, уродливым. В размышлениях о семье для Толстого самое важное ответить для себя: как светить светом, если сам слаб и грешен, когда жизнь полна праздности. Тупость и праздность души - следствие такой жизни. Успех воспитания будет обеспечен только в том случае, когда родители неустанно будут работать над собой. «Дневники» Толстого — это мучительные сомнения, это поиск духовной основы жизни. И почти все страницы, наполненные сомнениями, надеждой, отчаянием, стремлением понять — и непониманием, пронизывает одна конечная мысль: единственная волшебница — любовь спасет семью от распада, поможет мужу и жене в

сложном семейном строительстве. Русская национальная традиция формирования в ребенке, подростке, юноше представлений о приоритете духовной семейной основы предполагает повышенное внимание к взаимоотношению «отцов» и «детей». Праздная семья может толкать ребенка к соблазнам: «Зачем родители отдают от себя в гимназию? Мне вдруг ясно стало. Если бы родители держали его дома, они бы видели последствия своей безнравственной жизни на своих детях. Они бы видели себя, как в зеркале в детях. Отец пьет вино за обедом с друзьями, а сын в кабаке. Отец на бале, а сын на вечеринке,. Отец ничего не делает, и сын тоже...», - пишет Толстой в своих «Дневниках». Поэтому самый эффективный путь — это путь совместного обретения семейных духовных ценностей, что способствует гармонизации и укреплению духовных «скреп» семейного «строительства».

Поэтика детства в произведениях русских писателей неизменно связана с поэтикой семьи, дома. Аксаков, Толстой, Гончаров воспроизводят мир «усадебного детства»: русская усадьба с ее центром – барским домом - это тот фон, который репрезентирует поэтику счастливого детства в их произведениях.

Прекрасные страницы «Детства» Толстого овеяны поэтикой русской природы: *«В тени молодых березок был разостлан ковер, и на ковре кружком сидело все общество. Буфетчик Гаврило, примяв около себя зеленую, сочную траву, перетирал тарелки и доставал из коробочки завернутые в листья сливы и персики. Сквозь зеленые ветви молодых берез просвечивало солнце и бросало на узоры ковра, на мои ноги и даже на плешивую вспотевшую голову Гаврилы круглые колеблющиеся просветы. Легкий ветерок, пробегая по листве деревьев, по моим волосам и вспотевшему лицу, чрезвычайно освежал меня»; «Я вспомнил луг перед домом, высокие липы сада, чистый пруд, над которым вьются ласточки, синее небо, на котором остановились белые прозрачные тучи, пахучие копны свежего сена, и еще много спокойных радужных воспоминаний носилось в моем расстроенном воображении».*

Охота, игры в швейцарского Робинзона, пикники, мороженое, фрукты, первая любовь, друзья, сестры и братья, музыка, цыганские песни, рояль, мазурка, детская, кабинет – все это и окружает, и пронизывает счастливое детство Николеньки Иртеньева. «Усадебное детство» это и книги, тот нравственный след, который они оставляют в душе ребенка-читателя. Толстой пишет о том влиянии, какое оказало на его героя чтение книг. Тогда появились всякие «тайны», и мальчик увлекается героями этих книг, моделирует в мыслях те поступки (благородные!), которые он совершит.

И уже не из детской, а из взрослой жизни вершится «суд» над взрослым миром: разве Николенька дает характеристику отцу: *«Его натура была одна из тех, которым для хорошего дела необходима публика. И то только он считал хорошим, что называла хорошим публика. Бог знает, были ли у него какие-нибудь нравственные убеждения? Жизнь его была так полна увлечениями всякого рода, что ему некогда было составлять себе их, да он и был так счастлив в жизни, что не видел в том необходимости /.../ Он говорил очень увлекательно, и эта способность, мне кажется, усиливала гибкость его правил: он в состоянии был тот же поступок рассказать как самую милую шалость и как низкую подлость»*? — Это взрослый человек пишет о взрослом, о том, что влияет на мир ребенка, но осознается уже не ребенком. Это суд повзрослевшего поколения на нравственностью воспитавших его. И этот суд раскрывается не всегда в прямых характеристиках: маменька играет патетическую сонату Бетховена, отец любит цыганские песни. Нравственные впечатления детства Толстой связывает все же с тем воспоминанием, которое оставил в юной душе странник Гриша: «Много воды утекло с тех пор, много воспоминаний о былом потеряли для меня значение и стали смутными мечтами, даже и странник Гриша давно окончил свое последнее странствование; но впечатление, которое он произвел на меня, и чувство, которое возбудил, никогда не умрут в моей памяти. О великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что ты чувствовал близость Бога, твоя любовь так велика, что

слова сами собою лились из уст твоих — ты их не поверял рассудком... И какую высокую хвалу ты принес его величию, когда, не находя слов, в слезах повалился на землю!..»

Потом Достоевский воплотит ту же мысль о необходимости слияния дворянской культуры и народной, в их общем влиянии на мир детства («Подросток»).

И Карл Иванович, и Наталья Савишна, и отец, и маменька уйдут в прошлое, но каждый из них оставит след притяжения или отталкивания в нравственной мысли ребенка, в «пробуждении сердца», все они что-то говорят ему: «Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений. Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком креслице; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Матан говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу!»

1.3. «Униженное и оскорбленное» детство

У Ф.М. Достоевского практически во всех произведениях прослеживается наличие детских персонажей и тема детства в целом. Писатель всегда уделял особое внимание вопросам взросления ребенка, его воспитания. Также его интересовал вопрос «проникновения зла в изначально невинную детскую душу» [2, с. 1003].

С.А. Аристова отмечает, что в повести «Братья Карамазовы» характеризуются возникновением формула Дмитрия Карамазова «все – дите». Важным в произведениях Ф.М. Достоевского является переплетение религиозных идей с темой детства.

В.С. Кондратьев считает, что в произведениях Ф.М. Достоевского нельзя понять главных персонажей вне образов детей, включенных во

взрослый мир. Такими детскими персонажами являются Неточка Незванова, дети Мармеладовых, маленький Родя Раскольников в «Преступлении и наказании», Аркадий Долгорукий в «Подростке», Илюшечка, Коля Красоткин в «Братьях Карамазовых» и т.д. Автор отмечает, что в этих «взрослых» романах дети – не эпизодические, служебные персонажи, поскольку они находятся в центре идейного содержания произведений и являются их полноправными героями [32].

Ф.М. Достоевский позаимствовал у Н.В. Гоголя такие мотивы, как связь детей и денег, использования детей для нравственного шантажа, мотив детской невинности и чистоты как противопоставление взрослой пошлости и эгоистичности, мотив детского страдания [2, с. 1008], но все же уделяет существенное значение в своих произведениях психологии ребенка, его становлению как личности.

Примером такого произведения является произведение Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорбленные». В данном произведении показан молодой писатель Иван Петрович, который, ища квартиру в Петербурге, узнает об удивительном старике Иеремии Смите, наблюдающем за посетителями кондитерской. Старик вскоре умирает на улице, а Иван Петрович хочет узнать его больше и находит его квартиру.

Квартиру Смита навещает его внучка Нелли. Она замкнута и нища, убежала от родителей, а также ее пытаются отдать в публичный дом. Иван, жалея ее, пытается помочь девушке. Он обращается к своему знакомому детективу Маслобоеву, спасающему Нелли.

Иван узнает, что князь Валиковский раньше обманом разорил Смита, а его дочь увез с собой. Завладев деньгами старика, князь покинул беременную Нелли. Смит отвернулся от дочери, что привело к ее смерти в бедности. Опасаясь, что Нелли владеет компроматом, Валиковский нанимает Маслобоева для поиска документов.

Особый интерес вызывает образ девочки-подростка, Нелли, создавая который автор показывает своему читателю образ несчастной девочки,

оставшейся одной, но при этом имеющей отца, того самого князя Валиковского, которому она совсем не нужна. Писатель в произведении своем показывает, в каких страданиях приходится существовать ни в чём не виноватому ребёнку.

Нелли пережила страшные потрясения, что привело к ее быстрому взрослению. Она – думающий ребенок, фактически, уже сформировавшаяся человеческая личность, рано созревшая в жестоких испытаниях жизни.

Позитивным моментом было то, что Нелли превращается из одинокой нищенки, стоящей на пороге карьеры проститутки, в любимую всеми приемную дочь Ихменевых [60].

Т.С. Соколова пишет об особой значимости темы детства в творчестве Ф.М. Достоевского. Как отмечает В.С. Пушкарева в своей монографии, «в творчестве Ф. М. Достоевского Дети и детство и русской литературе второй половины XIX века» отталкивается от положения о том, что «нет более или менее важной для писателя мысли, которая не соприкоснулась бы так или иначе с темой детства» [55, с. 166]. Но то же самое можно утверждать и относительно темы семьи, тесно связанной с темой детства. В произведениях Ф.М. Достоевского, в частности, раскрывающих тему детства, личность персонажа раскрывается в значительной степени через систему внутрисемейных связей. В большинстве произведений писателя фигурируют персонажи, связанные семейными узами (от «Бедных людей» до «Братьев Карамазовых») [Там же].

Произведение Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» – это первое произведение, «в котором семейная среда оказывается в фокусе внимания писателя на протяжении всего повествования» [55, с. 166]. «Три семейства, в которых разворачивается жизнь Неточки, можно рассматривать как сходные в основе своей типы разрушения родственных этико-коммуникативных связей, отличающиеся формой и степенью этого разрушения». [Там же]. «И в таком случае «история одной женщины» может быть интерпретирована как история преодоления героиней деструктивного влияния искаженной семейной среды»

[Там же, с. 166]. Тема детских страданий станет основной в рассказе «Елка и свадьба», в «Униженных и оскорбленных», в «Братьях Карамазовых».

«Детская тема» продолжает волновать писателя и находит свое развитие, как и у Толстого, в семейной теме. Так, основной темой всей первой главы в «Дневнике писателя» за 1877 г. (июль-август) становится воспитание детей, «случайные семейства». Он выделяет в «Дневнике писателя» семьи случайные, преступные и праведные. «Поруганное детство» - там, где «случайная семья» (Мармеладовы).

Герой романа «Подросток» «духовно питается» из двух истоков: в романе у «колыбели» Подростка два отца - цивилизованный «бродяга» аристократ Версиков, биологический отец Подростка, и народный странник Макар, появляющийся в минуту духовного кризиса Подростка. Именно Макар воплощает в себе лучшие, с точки зрения Достоевского, исторические черты русского народа: кротость, терпение, покорность, всепрощение. - Не случайно наделил его Достоевский княжеской фамилией – Долгорукий. Макар воплощает дорогую для Достоевского мысль о соединении «выжитых» дворянством и народом совместных духовных русских ценностей. Не зря именно ему доверяет Достоевский рассказ о «слезинке ребенка», о безвинной «жертве», которую не замолить. «Подросток» — это роман, как пояснял сам Достоевский, о русских детях, об их отцах, о том, как дитя выходит из детства и появляется «неготовым человеком». Его первые шаги, робкие и дерзкие, омрачены соблазном разврата, ненавистью за ничтожность и «случайность» свою. Мысль о «выкидышах» общества, случайных детях случайных семей – одна из самых горьких, ибо тогда-то и происходит искажение детской души, тогда-то и допускается сознательно порок в мысли и лелеется в сердце. Современное русское семейство, по мысли Достоевского, становится все более и более *случайным* семейством. Случайная семья не даст самого важного – зачатков положительного и прекрасного, а без этого «нельзя пускать поколение в путь». В качестве иллюстрации писатель подробно разбирает материалы процесса Калужского областного суда по делу супругов Джунковских, бесчеловечно

обращавшихся со своими детьми. Замысел романа «Подросток» — это тоже замысел о «детстве», «отрочестве» и «юности», о семье, ее значении в воспитании «поколения». Это своего рода русский воспитательный роман, поэтому есть смысл остановиться на некоторых его «капитальнейших» мыслях. Автор в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. пояснял: «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах, в теперешнем взаимном их соотношении. ... Когда полтора года назад, Николай Алексеевич Некрасов приглашал меня написать роман для «Отечественных записок», я чуть было не начал тогда моих «Отцов и детей», но удержался, и слава Богу: я был не готов. А пока я написал лишь «Подростка» - эту первую пробу моей мысли. Но дитя уже вышло из детства и появилось лишь неготовым человеком, робко и дерзко желающим поскорее ступить свой первый шаг в жизни. Я взял душу безгрешную, но уже загаженную страшною возможностью разврата, раннею ненавистью за ничтожность и «случайность» свою и тою широкостью, с которой еще целомудренная душа уже допускает сознательно порок в свои мысли, уже лелеет его в сердце своем... все эти выкидыши общества, «случайные» члены «случайных» семей».

О трагедии ребенка в бесчеловечном обществе написан один из самых пронзительных рассказов писателя - рассказ «Мальчик у Христа на елке». В 1876 г. Достоевский посещает колонию для малолетних преступников, с дочерью Любой рождественский детский праздник в С.-Петербургском клубе художников. В этих поездках ему часто встречается «мальчик с ручкой», просящий подавание. Все эти впечатления воплотились на страницах «Дневника писателя» в размышлениях о русских детях, их судьбе. Квинтэссенция этих мыслей писателя, выраженная в художественной форме, - «святочный рассказ» о том, как замерзший нищий мальчик попал на елку к Христу. «Мальчик у Христа на елке», по признанию Достоевского, его любимый рассказ. До конца 19 в. этот рассказ выходил отдельным изданием более двадцати раз.

Поэтика обиженного, поруганного детства «овеществляется» скудным и убогим бытом: «Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной; всю ее было видно из сеней. Все было разбросано и в беспорядке, в особенности разное детское тряпье. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашенный и ничем не покрытый. На краю стола стоял догоравший сальный огарок в железном подсвечнике. Выходило, что Мармеладов помещался в особой комнате, а не в углу, но комната его была проходная. Дверь в дальнейшие помещения или клетки ...была приотворена. Там было шумно и крикливо..." "... В комнате было душно, но окна она не отворила; с лестницы несло вонюю, но дверь на лестницу была не затворена; из внутренних помещений, сквозь непритворенную дверь, неслись волны табачного дыма...» («Преступление и наказание», комната Мармеладовых); *«Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать. Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала больная мать его».*

Подведем некоторый итог.

Для отечественной литературы тема детства – важнейшая. С ней связывались мысли о будущем страны: будет ли это будущее определяться «выкидышами общества», или человеком нравственным, жизнь которого определяется «идеалом святости»? Русские писатели на семью, на «взрослый мир» возлагали обязанность уберечь в ребенке этот идеал. Поэтому мы не найдем в произведениях русских писателей образа ребенка, брошенного, подобно Гаврошу В. Гюго, легко и свободно справляющегося с трудностями

одинокое детства. Русского Гавроша попросту нет. Но есть образ ребенка страдающего и в этом своем недетском страдании поднимающегося до святости. Русские писатели пишут о детстве так пронзительно, «... как будто рядом в комнате умирает любимый ребенок. Он и умирает всегда. Всегда умираю и я» (Запись из «Дневника» Толстого).

Выводы

В данной главе мы рассмотрели «Детство» как феномен культуры XIX века. Детство является неотъемлемой частью жизненного пути каждого человека. Именно в XIX веке его стали рассматривать как полноценный этап, при котором закладывается будущая жизнь личности. Именно в этот период появляется множество научных работ, освещавших различные аспекты детства, что повысило социальный статус детей.

В произведениях отечественных классиков о детстве нашли отражение национальные представления о духовности (чувство собственного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, уважение и доверие друг к другу, отрицание «лжи и зла эгоизма», вера в то, что в каждом человеке изначально есть духовные силы). Возвращенные в семье, эти качества являются важными факторами «пробуждения сердца». «Счастлиное детство» и детство «униженное и оскорбленное» контрастно представлены в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского.

ГЛАВА II. ПОИСК «ДОРОГИ ДЕТСКОГО СЧАСТЬЯ» Н.Г. ГАРИНЫМ-МИХАЙЛОВСКИМ В ПОВЕСТЯХ «ДЕТСТВО ТЁМЫ», «ГИМНАЗИСТЫ»

В данной главе мы ставили перед собой целью проведение анализа особенностей концепции детства и юности в автобиографической прозе Н.Г. Гарина-Михайловского.

Достижению данной цели способствовало решение ряда задач исследования:

- анализ отобранных автобиографических произведений Н.Г. Гарина-Михайловского;
- описание полученных результатов исследования;
- формулирование выводов по результатам проведенного анализа.

Материалом для исследования в данной главе послужили следующие автобиографические произведения произведений Н.Г. Гарина-Михайловского: «Детство Тёмы»; «Гимназисты».

2.1. Традиции русской литературы о детстве: «диалектика души» Темы Карташева в повестях «Детство Темы» и «Гимназисты»

«Диалектика души» - термин литературоведения (ввел термин Н.Г. Чернышевский), особая форма психологизма, показ формирования мыслей и чувств, переход от одного к другому, «обнажение» психического процесса внутри сознания героя. «Диалектика души» находит выражение:

- во внутренних монологах («поток сознания»): *«Положим, — думал я, — я маленький, но зачем он тревожит меня? Отчего он не бьет мух около Володиной постели? вон их сколько! Нет, Володя старше меня; а я меньше всех: оттого он меня и мучит. Только о том и думает всю жизнь, — прошептал я, — как бы мне делать неприятности. Он очень хорошо видит, что разбудил и испугал меня, но выказывает, как будто не замечает... противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка — какие*

противные!» и через несколько строк: *«Его доброе немецкое лицо, участие, с которым он старался угадать причину моих слез, заставляли их течь еще обильнее: мне было совестно, и я не понимал, как за минуту перед тем я мог не любить Карла Ивановича и находить противными его халат, шапочку и кисточку; теперь, напротив, все это казалось мне чрезвычайно милым, и даже кисточка казалась явным доказательством его доброты»*.

- в присутствии нравственной «линзы» - оценки внешних событий, повлиявших на внутреннее состояние героя: *«Бывало, он меня не замечает, а я стою у двери и думаю: «Бедный, бедный старик! Нас много, мы играем, нам весело, а он — один-одинешенек, и никто-то его не приласкает. Правду он говорит, что он сирота. И история его жизни какая ужасная! Я помню, как он рассказывал ее Николаю — ужасно быть в его положении!»* И так жалко станет, что, бывало, подойдешь к нему, возьмешь за руку и скажешь: *«Lieber 5 Карл Иванович!»*; *«Я не сообразил того, что бедняжка плакал, верно, не столько от физической боли, сколько от той мысли, что пять мальчиков, которые, может быть, нравились ему, без всякой причины, все согласились ненавидеть и гнать его»* (сцена избияния Иленьки).

- диалогах;

- в «переливах» эмотивной лексики: *«я таким образом мысленно выражал свою досаду»*; *«употреблял все старания удержаться от смеха»*; *«Я совсем развеселился»* и др.

- описании внешних «толчков», изменяющих психологическое состояние персонажа: *«На опушке леса, приложив одно ухо и приподняв другое, перепрыгивал заяц. Кровь ударила мне в голову, и я все забыл в эту минуту: закричал что-то неистовым голосом, пустил собаку и бросился бежать»* (гл. «Охота»)

- «диалектика души» находит выражение в портрете персонажей: улыбка, жест, взгляд (Николенька «сердитыми глазами окинул Карла Ивановича»).

Рассмотрим «диалектику души» в «Детстве Тёмы» Н.Г. Гарина-Михайловского:

- во внутренних монологах («поток сознания»): *«Боже мой, отчего он такой несчастный? Отчего над ним тяготеет какой-то вечный неумолимый рок? Отчего он всегда хочет так хорошо, а выходит все так скверно и гадко?.. О, как сильно, как глубоко старается он заглянуть в себя, постигнуть причину этого. Он хочет ее понять, он будет строг и беспристрастен к себе...Он действительно дурной мальчик. Он виноват, и он должен искупить свою вину. Он заслужил наказание, и пусть его накажут»*; Речь, которую придумал Тёма, для папы у себя в голове: *«-Папа, зачем тебе сердиться даром, я знаю теперь хорошо, кто виноват, - мои руки. Отруби мне их, и я буду добрый, хороший мальчик»*.

- в присутствии нравственной «линзы» - оценки внешних событий, повлиявших на внутреннее состояние героя: *«Но жизнь не отлетает по желанию, чувствовать надо, и Тёма почувствовал, решившись поднять наконец глаза на товарищей, что нет Иванова, нет Вахнова, но есть он, ябеда и доносчик, пригвожденный к своему позорному месту... Неудержимой болью охватила его мысль о том светлом, безвозвратно погибшем времени, когда он был чистым и незапятнанным; охватило его горькое чувство тоски, зачем он живет, и рыдания подступили к его горлу»*.

- «диалектика души» находит выражение в портрете персонажей: улыбка, жест, взгляд. *«Тёма озабоченно следит за ними глазами»*,

- в «переливах» эмотивной лексики: *«Тёма ещё больше хохочет»*; *«Тёма трусит»*; *«И Тёма горько плачет, закрывая руками лицо»*.

- описании внешних «толчков», изменяющих психологическое состояние персонажа: *«Его уже тянет туда, вниз, по этой гладкой, скользкой стене, туда, где отчаянно визжит Жучка, где блестящее вонючее дно ждет равнодушно свою, едва обрисовавшуюся во мраке, обессиленную жертву. Ему уже хочется поддаться страшному, болезненному искушению-бросить вожжи, но сознание падения на мгновение отрезвляет его. – Не надо*

бояться, не надо бояться! – говорит он дрожащим от ужаса голосом. - Стыдно бояться! Трусы только боятся! Кто делает дурное- боится, а я дурного не делаю, я Жучку вытаскиваю, меня и мама и папа за это похвалят. Папа на войне был, там страшно, а здесь разве страшно? Здесь ни капельки не страшно. Вот отдохну и полезу дальше, потом опять отдохну и опять полезу, так и вылезу, потом и Жучку вытащу».

Таким же образом, проанализируем «диалектику души» Тёмы Карташева в произведении «Гимназисты»:

- во внутренних монологах («поток сознания»): *«Слезы сверкали в глазах Карташева. Эх, забыть бы все и улететь туда в окно, где белая акация тонет в нежно голубом небе, где орел черной точкой только виднеется уже там, вдали. Глупая его любовь, глупый он сам... слава богу, никто не знает о его любви, и никогда не узнает... и она, что любил он ее... Наташа повернулась и смотрит на него, точно задумалась, жаль ей его. Неужели угадала? Нет, слава богу, не угадала; перевела спокойно глаза на Корнева и смотрит так, как будто и его о чем-то спрашивает. Счастливая Наташа! Не мучится»*

- присутствии нравственной «линзы» - оценки внешних событий, повлиявших на внутреннее состояние героя: *«Похороны Беренди прошли торжественно. Ученики седьмого класса сами несли гроб...Карташев шел, старался сосредоточиться, иногда живо и горячо охватывался горечью минуты, вспоминал живого Берендю и опять уносился куда-нибудь далеко от всего окружающего»*

- диалогах: *«- Делай как хочешь, - продолжала, помолчав мать...*

- По-моему, Тёма, это глупость, - сказала его рассудительная сестра Зина. – У мамы здоровье слабое, ты, старший в доме, бросишь семью, уедешь в корпус...а кто ж здесь будет ходить в наемный двор, как мы останемся без мужчины?

-Я что ж, по-твоему, так и буду всю жизнь около вас торчать? - спросил с досадой Карташев.

-Ты когда, Тёма, поедешь?

-Никуда я не поеду, - ответил он, вздохнув, и, встав, направился в кабинет»

- в «переливах» эмотивной лексики: «Карташев начал впадать даже в уныние...»; «...повеселел вдруг Карташев, обращаясь к Анне Петровне»

- описании внешних «толчков», изменяющих психологическое состояние персонажа: «- Стыдитесь! – вспыхнул вдруг, как порох, директор. Тетрадь полетела в угол залы, а за ней и все мысли Карташева. Мало того, что директор швырнул тетрадь, он приказал Карташеву поднять ее. Карташев чувствовал, что директор не имел права так поступать, и в душе шевелилась мысль сказать ему это, но другая мысль о том, что его за это исключат, заставила Карташева с помертвелым лицом покорно пойти и поднять свою тетрадь. Это был тяжелый удар по самолюбию, и, если бы Карташеву сказали вперед, что он так и поступит, - он, наверно, обиделся бы. А теперь обижаться ему не на кого было, он исполнил, по его мнению, лакейскую обязанность и испытывал своеобразное удовлетворение: хоть и унизился, а остался целым и невредимым»

- «диалектика души» находит выражение в портрете персонажей: улыбка, жест, взгляд: «Карташев рассеянно скользнул взглядом...»; «...с лица его сбегало напряженное, неудовлетворенное чувство».

Таким образом, невидимый внутренний мир обретает свою «зримость». Благодаря этому создается иллюзия сопричастности читателя миру героя.

Как видим, в повестях «Детство Тёмы» и «Гимназисты» Н.Г. Гарин-Михайловский показывает диалектику души главного героя произведений. Автор детально воспроизводит процесс зарождения и формирования мыслей, чувств, настроений, ощущений Тёмы, их взаимодействия, развития одного из другого. Читатель может проследить, какие основные события послужили факторами формирования и развития личности главного героя анализируемых произведений.

2.2. «Формула» счастливого детства в произведениях Н.Г. Гарина-Михайловского

В автобиографической повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Тёмы», как было отмечено ранее, повествование ведется от третьего лица. Данный прием позволяет автору, показывать своего героя, дистанцируясь от него. «Было бы ошибочным видеть в Карташёве alter ego самого писателя и тем более делать Карташёва носителем взглядов и умонастроений Гарина на том лишь основании, что материал, положенный в основу тетралогии, в известной мере автобиографичен. Писатель стремился не воспроизвести в художественной форме свою личную биографию, а через частное передать общее, что характерно не только для судьбы целого поколения, но и для становления ребенка вообще» [8, с. 21].

Действие в произведении «Детство Тёмы» происходит в доме семейства Карташевых. Главой семьи является отставной генерал Николай Семенович Карташев. Отец Тёмы обладает суровым характером, кроме этого, выправка генерала Карташева сказываются и на том, как он воспитывает своих детей. Тёма в семье является старшим из мальчиков. В произведении он изображен как главный «поджигатель обычного возбуждения»: *«Купанье – всегда событие и всегда приятное. Но на этот раз в детской оживление слабое. Дети находятся под влиянием наказания брата, а главное – нет поджигателя обычного возбуждения, Тёмы. Дети идут как-то лениво, купанье какое-то неудачное, поспешное, и через двадцать минут они уже, в белых чепчиках, гуськом возвращаются назад в детскую»* [17].

Такой характер главного героя способствует тому, что именно к нему обращено наиболее пристальное внимание отца, для которого чуждо «сентиментальное» воспитание сына, «вырабатывающего» из него «противную слюнявку»: *«Отец пренебрежительно косится на ласки сына и думает, что это воспитание выработает в конце концов из его сына какую-то противную слюнявку»* [Там же].

В противовес отцу мать Тёмы, Аглаида Васильевна, изображена как умная и тонко образованная женщина. Ее взгляды на воспитания сына существенно отличаются от взглядов отца. Она считает, что любые воспитательные меры не должны уничтожить в ребёнке человеческого достоинства, превращать его в «огаженного зверёныша», запуганного угрозой телесных наказаний: «– *Полюбуйся, каков твой звереныш! – сует ей отец прокушенный палец.*

Но она не видит этого пальца. Она с ужасом смотрит на диван, откуда слезает в это время растрепанный, жалкий, огаженный звереныш и дико, с инстинктом зверя, о котором на минуту забыли, пробирается к выходу. Мучительная боль пронизывает мать. Горьким чувством звучат ее слова, когда она говорит мужу:

– И это воспитание?! Это знание натуры мальчика?! Превратить в жалкого идиота ребенка, вырвать его человеческое достоинство – это воспитание?!» [Там же].

Тут стоит отметить, что концепция счастливого детства в повести Н.Г. Гарина-Михайловского имеет существенное отличие от той традиционной концепции счастливого детства. В анализируемом произведении ребенок растет в уютном и защищенном «малом мире» дворянской усадьбы, однако, не все окружающие окутывают еще любовью. В произведении мы наблюдаем отца, которые держит ребенка в постоянном страхе быть наказанным, и мать, готовую выслушать и понять мальчика.

Восьмилетний Тёма, оказавшись между двумя полюсами понимания родительского долга и объясняя свои поступки себе и окружающим, пытается прогнозировать реакцию каждого из родителей. Примером этого может послужить первая встреча с героем произведения. Тёма по глупой случайности сломал цветок отца в саду. Отец гордился этим цветком и очень ждал, чтобы он расцвел. Тёма фантазирует, как он скажет отцу, о том, что случайно сломал цветок, что во всем виноваты его руки. Но так и не смог Тёма во всем

признаться из-за страха перед жестоким наказанием, которое точно его ждало. И справедливость матери даже не смогла побороть этот страх.

В этом заключается причина всех последующих «подвигов» героя: немислимый галоп на жеребце Гнедко, разорванная юбка бонны, разбитый судок и, наконец, украденный сахар – вся «повесть грустного дня» – первого дня повествования, заканчивающегося для Тёмы суровым отцовским наказанием. Такие наказания в памяти Тёмы сохранились надолго. Спустя многие годы, когда он оказался в своем доме, в памяти всплывает место, где его секли, и собственное чувство к отцу, «враждебное, никогда не мирящееся».

Для матери Тёмы важным остается то, что несмотря на все «подвиги» мальчика, его характер, он остается живым, подвижным. Именно эти качества в ребенке он считает главными: *«А вот промелькнула в девичьей фигура ее набедокурившего баловня – живого, как огонь, подвижного, как ртуть, неуравновешенного, вечно взбудораженного, возбужденного, впечатлительного, безрассудного сына. Но в этой сутолоке чувств сидит горячее сердце»* [Там же].

Из этого можем сделать вывод, что взгляды на воспитание матери Тёмы являются созвучными с современными взглядами, когда в ребенка должна поддерживаться активность, ребенка важно слушать и прислушиваться к нему.

Внимательная, но требовательная любовь Аглаиды Васильевны находит отклик в душе мальчика, с готовностью рассказывающего ей историю своих несчастий. После искреннего признания и раскаяния Тёма испытывает особенно возвышенные чувства, но, находясь в эмоционально возбуждённом состоянии от перенесённых физических страданий, следствием которых становится и последующая болезнь, он проявляет храбрость и совершает по настоящему отважный поступок.

В главе «Старый колодезь», Тёма раскрывается для нас, мы видим бесстрашного, отважного мальчишку. Мальчика беспокоит отсутствие его четвероногого любимца, собачки Жучки. Он решает спросить у своей няни, где же она. Няня рассказывает Тёме, что «Жучку в старый колодезь бросил

какой-то ирод.» [17]. После этого известия, Тёма с трудом засыпает: «Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов, как спаси Жучку, он переходит от одного невероятного проекта к другому и незаметно для себя снова засыпает.» [Там же]. Проснувшись рано утром, Тёма незамедлительно отправляется к колодезю спасти Жучку. Первоначальный план по спасению, который показался Тёме во сне, потерпел поражение, и ему приходится спускаться в колодезь самому, мальчик понимал всю ответственность, которую он на себе нес: «Мысль, что он ухудшил положение дела, что Жучку можно было спасти и теперь он сам виноват в том, что она погибнет, что он сам устроил гибель своей любимице, заставляет Тёму, не думая, благо план готов, решиться на выполнение второй части сна – самому спуститься в колодезь.» [Там же]. При описании, автор дает понять, каким отвратительным был колодезь: «Каким-то ужасом смерти пахнуло на него со дна этой далекой, нежно светившейся, страшной глади.» [Там же]. Несмотря на все трудности, мальчику удается спасти собачку «Напряженные нервы Темы не выдерживают, он испускает неистовый крик и без сознания валится на траву к Великой радости Жучки...» [Там же]. После этого ребенок заболевает, но он ни о чем не жалеет, и, если бы пришлось, Тёма совершил бы такой подвиг снова.

Тогда Тёмины «подвиги» заканчиваются ледяным компрессом, горячечным бредом и несколькими неделями тяжёлой болезни. Однако здоровый организм ребёнка берет верх – следует выздоровление, а тёплая, осеннему примиряющая погода создаёт у героя такое настроение, когда «вокруг все то же», «все радуется своим однообразием» и снова есть возможность «зажить одной общею жизнью»: *«Все то же, но все радуется своим однообразием и будто говорит Тёме, что он опять здоров, что все точно только и ждали его выздоровления, чтобы снова, вступив в прежнюю связь с ним, зажить одною общею жизнью.»*

Ему даже казалось, что вся его болезнь была каким-то сном... Только лето прошло...

До его слуха долетели из отворенного окна кабинета голоса матери и отца и заставили его еще раз почувствовать прелесть выздоровления.

Речь между отцом и матерью шла о нем.

Разговора в подробностях он не понял, но суть его уловил. Она заключалась в том, что ему, Тёме, разрешат бегать и играть на наемном дворе» [17].

Тема, несмотря на строгость отца, не отказывался от шалостей и проказ. Сидеть дома с нянями и прислугой было не для него, Тема не переносит скуку и одиночество. Он любит исследовать окружающий мир, играть с другими ребятами, шалить. Радостным известием для Темы было разрешение бегать и играть с ребятами на наемном дворе. «Наемный двор – громадное пустопорожнее место, принадлежавшее отцу Тёмы, – примыкало к дому, где жила вся семья, отдаляясь от него сплошной стеной. Место было грязное, покрытое навозом, сорными кучами, и только там и сям ютились отдельные землянки и низкие, крытые черепицей флигельки.» [Там же]. Проводя день за днем, с ребятами, детьми бедняков и в другой обстановке, Тема «отдался ощущениям совершенно иной жизни своих новых приятелей – жизни, ни в чем не схожей с его прежней, своим контрастом, неизгладимым образом отпечатлевшейся в его памяти.» [Там же].

Так прошло ещё два года привольной жизни, и «подросла гимназия». Тёма выдерживает экзамен в первый класс – начинаются первые взаимоотношения с учителями.

Митрофан Семенович Козарский, учитель словесности, «был маленький мрачный человек...». Ученики боялись этого учителя, в том числе и Тёма, но всё равно часто вступал с ним в перепалки. Этот учитель был спокоен, ставил учеников на место точными фразами, не допускает плохого поведения на своих уроках.

С другим же учителем, учителем истории, у гимназистов другие отношения. «... Леонид Николаевич Шатров давно завоевал себе популярность среди учеников». На его уроках ребята вели себя намного

лучше, они любили его, внимательно слушали всё, что он говорит. Он часто объяснял непонятные темы еще раз и без раздражения. Ребята уважали Леонида Николаевича и не вели себя на его уроках плохо.

Стоит отметить образ директора гимназии, он держал в страхе всех без исключения. Видя его, ученики останавливались как вкопанные и тихо кланялись. Директор никогда никого не миловал. У Темы Карташева не возникало конфликтов с директором гимназии.

Но постепенно эмоциональный подъем сменяется более ровным, будничным настроением, и тянутся дни, «бесцветные своим однообразием, но и сильные, и бесповоротные своими результатами».

На фоне общепознавательных впечатлений особенное значение имеет обретение в лице «доброе и кроткое» одноклассника Иванова друга, который оказывается, по сравнению с Тёмой, довольно начитанным мальчиком. Благодаря ему во втором классе Карташев читает Майн Рида и Гоголя. Но после неприятной истории Иванова исключают из гимназии, и дружба между ними прекращается: не только из-за отсутствия общих интересов, но и потому, что Иванов становится свидетелем малодушного поступка своего друга. Для Тёмы это испытание не заканчивается разрывом с Ивановым: в классе за ним закрепляется репутация «выдавшего», и ему приходится пережить несколько дней одиночества.

После ухода друга, у Тёмы появляются новые приятели, с которыми, преисполненный авантюрно-романтических мечтаний, он строит планы побега в Америку, чтобы не идти «избитым путём пошлой жизни». Приятели, увлечённые строительством лодки для морского путешествия, проявляют значительно меньшее рвение к учёбе. Результатом этого становятся отрицательные оценки в гимназическом журнале. Тёма скрывает свои «успехи» от домашних, поэтому последующие события оказываются для них полной неожиданностью. «Америка не выгорела»; компания заслужила прозвище «американцев», а тем временем подошло время экзаменов, когда обнаружилось общее безделье. Страх провалиться на экзаменах рождает у

Карташева различные фантазии, среди которых оказывается мысль о «самоубийстве» посредством «глотанья спичек». Тёма сдаёт экзамены и переходит в третий класс.

Именно на это время приходится сближение Тёмы с отцом, который стал мягче, ласковее и все более искал общества семьи. Прежде немногословный Карташев-старший рассказывает сыну о «походах, товарищах, сражениях». Но сильный организм Николая Семеновича начинает изменять ему, и вскоре шумный и весёлый дом Карташевых наполняется «рыданиями осиротевшей семьи».

Этим печальным событием заканчивается первая часть тетралогии, а во второй книге – «Гимназисты» – читатель встречается с Тёмой Карташевым – учеником шестого класса.

Итак, проведя анализ автобиографическое повести «Детство Тёмы», мы можем сделать вывод, что «формула» счастливого детства здесь заключается в том, чтобы ребенок был окруженным любовью, чтобы его могли выслушать и понять.

Тёма был счастлив рядом с матерью, был счастлив обрести друга Иванова, был счастлив, когда имел возможность носиться с мальчишками по «наемному двору», иначе говоря, был свободным.

2.3. Ранняя юность и ее идеалы (повесть «Гимназисты»)

В данном параграфе рассмотрим особенности изображения ранней юности и ее идеалов на материале автобиографической повести Н.Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты».

Повесть Н.Г. Гарина-Михайловского «Гимназисты», вторая часть автобиографических повестей о Теме Карташеве. Главное, на чем автор сосредоточил свое внимание в этой повести, это взаимоотношения со сверстниками, раскрытие характеров каждого гимназиста. Удастся это автору

с помощью описания того, как проходят уроки в гимназии, как и где ребята проводят свое свободное от школы время и какие идеи их объединяют.

Начинается повесть с того, что друзья Тёмы уезжают получать образование в морской корпус. Образовывается его новое окружение. На основе интересов собирается новая компания: Карташев, Корнев, Берендя, Дарсье, Ларио, Долба. Первоначально, авторитетом в компании славится Корнев, начитанный, образованный юноша, который имеет полную твердость в своих суждениях и оценках, читает таких авторов, как Писарев, Белинский, Бокль. Под влиянием общения с Корневым, Тёма стремится не отставать от его интеллектуального уровня, начинает изучать литературу, которую предпочитает его друг. Постепенно Тёма становится ничуть не хуже, чем Корнев, и на этой почве ребята очень сильно сближаются.

Проанализируем взаимоотношения главного героя с его ровесниками. На протяжении всей повести мы можем наблюдать как зарождается и продолжается дружба Тёмы и Корнева. Начинается всё со споров и дискуссий, а позже мальчики сильно сближаются, Тёма даже приглашает Корнева поехать с ним летом в деревню, там они сближаются еще больше. Если рассматривать характеры мальчишек, то Корнев более спокоен и усидчив, а Тёма неугомонный.

Однако гимназические увлечения Писаревым, религиозные сомнения, которые возникают у Темы вследствие общения с Корневым, приходят в противоречие с ценностями семьи Карташевых. Аглаида Васильевна пытается привечать товарищей сына, в особенности Корнева, чтобы иметь непосредственную возможность знать о направлении их мыслей и интересов. Ее ум, внимательное отношение к каждому из друзей Карташева, а также радушие, с которым принимаются гости, оказывается привлекательным для всей компании, собирающейся издавать гимназический журнал по аналогии с существовавшими в то время периодическими изданиями.

Н.Г. Гарин-Михайловский в автобиографической повести «Гимназисты» показывает желание молодых людей найти «правду и идеалы».

Однако не результат поиска, а само желание становится заслугой и превращается в самодостаточную ценность. Идеалы гимназистов представляются оторванными от жизни и идеалов большинства представителей современной им молодежи.

Причём каждый из участников будущего журнала ставил индивидуальную творческую задачу. Например, Берендя взялся «доказать исторически, что русская раса идёт общечеловеческим путём в деле прогресса»: *«Берендя остановился сперва на теме из русской истории: доказать исторически, что русская раса идет общечеловеческим путем в деле прогресса. Статья имела целью нанести окончательный и решительный удар славянофилам вообще и учителю истории, Леониду Николаевичу Шатрову, – в частности»* [16].

Долба решает заняться популяризацией идей Фохта, Молешотта и Бюхнера в писаревском переложении за отсутствием переводов с оригиналов. Тема ставит более «утилитарную» задачу. Он решает написать статью о вреде классического образования.

После выхода журнала с ним знакомятся не только в гимназии – страницы, переписанные ровным, аккуратным почерком, были принесены Карташевым домой. Однако у матери Темы вызвала восхищение логически развивающаяся мысль в статье Корнева, а статья сына только огорчила Аглаиду Васильевну, да и в гимназии говорили исключительно о статьях друзей Тёмы, о нём же молчали. Тем не менее уязвлённое самолюбие не мешает Тёме по-прежнему принимать участие в общетоварищеских спорах.

Через Берендю компания знакомится со спившимися техником и учителем. Дискуссия о судьбе этих людей перерастает в жаркий диспут о земном счастье, об альтруистическом идеале жизни, «которая недоступна ни грязным рукам проходимца, ни роковым случайностям». Но в лице Аглаиды Васильевны Тёма не находит сочувствия рассуждениям о «правде кабака». Мать говорит ему об умении отличать «бред опустившегося пьяницы от истины», бороться не с людьми, а с их заблуждениями, со злом в них.

Карташев высказывает следующую мысль:

– *«Собственно, я бы так даже поставил вопрос: в кабаке всегда сидит та правда, до которой люди еще не додумались...»* [16].

Мать Тёмы, как видим, стремилась к достойному духовному воспитанию своего сына. Иначе строятся взаимоотношения в семье Корневых. В отличие от Темы родительское влияние на Корнева ограничивается соблюдением внешней благопристойности – независимо от религиозных взглядов сына отец требует посещения церкви для создания «картинки» в глазах окружающих. В семье Карташевых к Корневу относятся несколько настороженно, но с неизменным интересом. Поэтому с готовностью подтверждают приглашение Тёмы, после сданных экзаменов провести каникулы в их деревне, где друзья могут наслаждаться жизнью «в приятном ничегонеделаньи». Однако Тема и Корнев не только отдыхают, но и знакомятся с жизнью крестьян. Для этого друзья много общаются с сельским священником и преуспевающим, на первый взгляд, помещиком Неручевым, который впоследствии станет мужем старшей сестры Карташева Зины. Но тогда время, проведённое в гимназии, оказывается одним из самых светлых эпизодов в жизни каждого из молодых людей: мать и сестры Карташевы очарованы умом и талантами Корнева (он хорошо поёт и обладает несомненным артистическим даром).

Возвращение в город и начало нового учебного года стало и началом последующих печальных событий в судьбе некоторых героев повести. За лето Берендя, живя в одиночестве и встречаясь только с «пропойцами», особенно пристрастился к водке. Кроме того, в гимназии произошёл следующий инцидент: по доносу учителя латинского языка после литературного вечера был вынужден подать прошение об отставке любимый гимназистами преподаватель истории, произнёсший на этом вечере речь о необходимости перемен в системе образования.

Берендя и Рыльский попытались заступиться за любимого учителя, после чего их исключают из гимназии, эта ситуация стала для Беренди

роковой. Окончательно запутавшись в денежных и любовных отношениях, несправедливо обвинённый в убийстве, Берендя кончает жизнь самоубийством. Его смерть производит потрясение в гимназии. На похоронах Долба произносит речь, которая едва не становится причиной и его исключения, и только заступничество Карташева, приходившегося родственником назначенному в город новому генерал-губернатору, спасает его от печальной участи Беренди и Рыльского. Кстати, последний, считавшийся в компании самым красивым и являвшийся женихом Наташи Корневой, сестры Васи Корнева (в тайну этой «помолвки» был посвящён только Карташев, сам в то время влюблённый в Наташу), навсегда уезжает за границу. «Пропойцы», имена которых наряду с именем Беренди фигурировали в деле об убийстве, произошедшем в городе, были выдворены за пределы Одессы.

Кроме того, начавшаяся образовательная реформа повлекла изменения в жизни каждого из гимназистов. Классическое образование теперь не ограничивалось семью годами – был введён дополнительный, восьмой, год обучения. Но для тех, кто выдерживал выпускные экзамены, гимназическая пора заканчивалась уже в текущем году. Вся компания «со страхом и трепетом» готовилась к экзаменам, твёрдо решив во что бы то ни стало закончить гимназию.

Экзаменационные испытания счастливо завершаются как для Темы, так и для всех его товарищей.

Как видим, для юных гимназистов важными являются вопросы образования, роли русского народа в общечеловеческой истории, в частности, они считают, что классическое образование с изучением латыни и греческого мало даёт, а отнимает много времени. Они много рассуждали о времени и себе, о предназначении человека, классическом образовании, славянофилах.

Гарин размышляет о «плодах просвещения», о том, как и когда надо приобщать к сложным вопросам ребенка, подростка. Если Николенька приобщается к идеям, в том числе и порочным (идеал комильфо),

«естественным» путем, то герои Гарина «втягиваются» в их воронку «неестественно». О сокрушительной силе «книжного» слова, способного прежде всего воздействовать на юный ум, который пока еще не готов критически оценивать «идеи», свидетельствует трагическая смерть юного философа, с упоением когда-то читавшего Карташеву выдержки из своих конспектов. Последние мысли «Диогена» были о книге: «Нет, не надо больше книг /.../ Не надо книг, не надо друзей, никого и ничего не надо». Мать Темы объясняет его смерть слабостью природы и несвоевременным чтением статей «теоретиков»: «Все, все фальшиво до конца! Несвоевременное развитие, нравственное напряжение и упадок сил - все должно было привести к этому. Ах, это такой наглядный пример той ошибки, в какую дало вовлечь себя общество всеми этими скороспелыми учениями Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Они, титаны, потянули за собой этих маленьких пигмеев... и сами не справились, и этих изуродовали» [16]. Это мысли и самого Гарина-Михайловского». Сигналом, нарушающим «естественное детство», его гармонию, становится несвоевременность «подключения» к «идеям» героя Гарина.

Выводы

В повестях Н.Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» и «Гимназисты» обнаруживается связь как с концепцией «счастливого детства» Толстого, так и с концепцией Достоевского. Как и Толстой, Гарин видит условия для «счастливого детства» в естественной доброй природе ребенка, в родовой жизни семьи с твердыми нравственными устоями, в возможности овладевать культурой, в изначально правильном «естественном» процессе детства. Пластичность детской психологии представлена им в «диалектике души» Темы Карташева, изначально доброй природе ребенка, подвергающегося испытаниям внешнего мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русская литература не раз обращалась к теме детства. Пристальное внимание уделяли детской теме Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский. Толстой обрисовал в своей автобиографической трилогии контуры счастливого детства. «Усадебное детство» Николеньки Иртеньева сопровождают его атрибуты: дворянская семья, учителя, гувернеры, культура усадебной жизни, русская природа - благотворное пространство для роста детской души. Детство Николеньки – это «естественное детство». «Диалектика души» ребенка с удивительным мастерством передана Толстым как естественные реакции на впечатления окружающей действительности.

«Униженное и оскорбленное» детство в творчестве Достоевского обусловлено нарушением естественности и святости детства. Углы, комнаты, подвалы, где мучается и гибнет детская душа, становятся тем негативным пространством, которое отражает неблагополучие общества. Именно картины оскорбленного детства поставили перед русской литературой и обществом мировоззренческий вопрос о «слезинке ребенка», которая не должна стать платой за гармонию мира.

Повести Н.Г. Гарина- Михайловского «Детство Темы» и «Гимназисты» также связаны с темой детства. «Диалектика души» Темы Карташова обусловлена влияниями, идущими как от нравственных устоев семьи, так и от социальных условий жизни, неблагополучных в своей основе. Именно эти влияния искажают изначально добрую природу ребенка, становятся теми негативными «толчками», которые нарушают гармонию детской души, порождая в ней темное и недоброе. Равнодушие и казенное отношение учителей в гимназии, столкновение с пороками взрослых, раннее взросление под влиянием «книжных» идей, отдаление от семьи приводят к негативным последствиям в жизни не только Темы, но и его друзей. Гарин-Михайловский в своих автобиографических повестях поставил вопрос отнюдь не только педагогического значения: ребенок не только биологическое существо, но это

существо и социальное. Благополучное, счастливое детство возможно только в семье, которая, в свою очередь, не может не быть связанной с социумом. И если в обществе грязь разврата, равнодушие и бездуховность, то и семья не сможет оградить ребенка от дурного влияния дурно устроенного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменкова В.В. Ценность детства в современном мире и образовании: Монография / В.В. Абраменкова. – М.: ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2019. – 232 с.
2. Аристова С.А. Детская тема в творчестве Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя: сопоставительный анализ / С.А. Аристова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – №4. – С. 1003-1009.
3. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес; пер. с фр. яз.: Я. Ю. Старцев. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 415 с.
4. Баймурзина В.И. Общая этнопедагогика: методология, теория, практика: Монография / В.И. Баймурзина. – СПб.: Изд-во Социально-гуманитарное знание, 2016. – 440 с.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
6. Белокопытова О.Н. «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука» С.Т. Аксакова и проблема мемуарно-автобиографического жанра в русской литературе 40 50-х годов XIX века: Автореф. .канд. филолог. наук. – Воронеж, 1966. – 20 с.
7. Белый Л.И. Проблема автобиографизма в творчестве Л.Н. Толстого: Автореф. дис. .канд. филолог. наук / Л.И. Белый. – М., 1977. – 23 с.
8. Борисова В.А. Н.Г. Гарин-Михайловский. Вступ. статья / В.А. Борисова // Гарин-Михайловский Н.Г. Собр. соч.: В5т. Т. 1. – М., 1957. – С. 21.

9. Васильева Д.Н. Этнопедагогика: теория и практика / Д.Н. Васильева. – Саратов, 2013. – 125 с.
10. Вершинина Н.Л. «К тихим семейственным радостям»: Роман и идиллия в художественных исканиях Пушкина и Толстого / Н.Л. Вершинина // Русская словесность. – 1999. – № 6. – С. 2-7.
11. Вершинина Н.Л. Идиллические мотивы в русской прозе 1830-1850-х годов / Н.Л. Вершинина // Русская словесность. – 1998. – № 5. – С. 25-30.
12. Власть времени: социальные границы памяти / Под редакцией В.Н. Ярской и Е.Р. Ярской-Смирновой. – М., 2011. – 223 с.
13. Воропай Т. В поисках себя. Идентичность и дискурс / Т. Воропай. – Харьков: ХГПУ, 1999. – 418 с.
14. Выборнова К.А. Образ детства в русской мемуарной прозе: стилистические средства передачи «Детского взгляда» на мир / К.А. Выборнова // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. – 2010. – №3. – С. 5-11.
15. Галкин А.Б. Герои и сюжеты русской литературы: имена, образы, идеи: учеб. пособие / А.Б. Галкин. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 598 с.
16. Гарин-Михайловский Н.Г. Гимназисты / Н.Г. Гарин-Михайловский. – URL: https://royallib.com/book/garinmihaylovskiy_nikolay/gimnazisti.html (дата обращения: 04.04.2024).
17. Гарин-Михайловский Н.Г. Детство Темы / Н.Г. Гарин-Михайловский. – URL: https://royallib.com/book/garinmihaylovskiy_nikolay/detstvo_temi.html (дата обращения: 04.04.2024).
18. Громов П.П. О стиле Льва Толстого. Становление диалектики души / П.П. Громов. – Л.: Худ. лит., 1971. – 390 с.
19. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус: [тематический словарь-справочник] / Отв. ред. С.Н. Майорова-Щеглова. – М.: Изд-во РОС,

2018. – 638 с. – URL: https://www.ssa-rss.ru/files/File/PublikaciiROS/Mayorova-Scheglova.%20Detstvo%20XXI%20veka_Sociogumanitarniy%20tezaurus.pdf
(дата обращения: 31.05.2024).

20. Дианова Е.Е. Образ детства в английской и русской прозе середины XIX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 / Е.Е. Дианова. – Москва, 1996. – 249 с.

21. Елизаветина Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г.Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. – М., 1982. – С. 240-247.

22. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А.Б. Есин. – М.: Флинта, 2000. – 248 с.

23. Железова О.В. Возрастные инициации в повести Л.Н. Толстого «Детство» / О.В. Железова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2019. – №1 (33). – С. 126-132.

24. Зеньковский В.В. Психология детства / В.В. Зеньковский. – Лейпциг: Изд-во «Сотрудник», 1924. – 348 с.

25. Изер В. Процесс чтения: феноменологическое приближение / В. Изер // Антология мировой литературно-критической мысли XX ст. / [ред. М. Зубрицкой]. – Львов: Летопись, 2002. – С. 349-366.

26. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков и до конца столетия.

27. Ильин И.П. О семье. URL: https://verappravoslavnaaya.ru/?Ivan_Ilmzin_O_semmze (дата обращения 30.05.2024).

28. Кислов А.Г. Определение детства как феномен культуры: философский анализ: автореф. дисс. на соискание науч. степени докт. философ. наук: 09.00.13 “Религиоведение, философская антропология и философия культуры” / А.Г. Кислов; Уральский государственный университет им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2002. – 47 с.

29. Ключек Г. Художественное мышление писателя как формотворческий фактор // Энергия художественного слова [Текст]: сборник

статей / Г. Ключек; [Кировоградский гос. пед. ун-т им. В. Винниченко]. – Кировоград, 2007. – 448 с.

30. Колодяжная Т.П. Понятие детства у Ж.-Ж. Руссо и Л. Н. Толстого как смыслообразующая основа личностно-ориентированного образования / Т.П. Колодяжная // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2009. – №2 (Педагогика). – С. 32-42.

31. Кон И.С. Ребенок и общество: (историко-этнографическая перспектива) / И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 270 с.

32. Кондратьев Б.С. Концепт детства в произведениях Ф.М. Достоевского и А. П. Гайдара / Б.С. Кондратьев // Приволжский научный вестник. – 2013. – №12-1 (28). – С. 97-99.

33. Крылова М.А. Автобиографическая тетралогия Н.Г. Гарина-Михайловского («Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры»): Проблема жанра: дис... канд. филол. наук. – URL: <https://www.dissercat.com/content/avtobiograficheskaya-tetralogiya-n-g-garina-mikhailovskogo-detstvo-temy-gimnazisty-studenty-> (01.06.2024).

34. Кузин Ю.Д. Поиски «Всеобщего вечного счастья» Н. Г. Гарина-Михайловского и идея гуманизма в философии В.С. Соловьева / Ю.Д. Кузин // Соловьевские исследования. – 2005. – №2 (11). – С. 75-86.

35. Кулешов В.И. История русской литературы XX века (70-90 годы) / В.И. Кулешов. – М., 1983. – 640 с.

36. Левченкова О.С. Пути развития русской детской литературы XX века (1920–2000-е гг.) / О.С. Левченкова. – М., 2010. – 359 с.

37. Ляпина А.В. Тема «Случайного семейства» и «Оскорбленного детства» в публицистике Ф.М. Достоевского / А.В. Ляпина // Вестник ОмГУ. – 2012. – №3 (65). – С. 195-197.

38. Мастепак Т.Г. Детство в социокультурном пространстве романа В. Набокова «Дар» / Т.Г. Мастепак, Е.А. Полева // Вестник ТГПУ. – 2020. – №3 (209). – С. 30-44.

39. Мира Дж. «Первичный автор» М. М. Бахтина и «Имплицитный автор» современной нарратологии / Дж. Мира // Новый филологический вестник. – 2020. – №2 (53). – С. 36-47.

40. Насырова А.Ю. Тема детства в прозе В.В. Набокова / А.Ю. Насырова, Г.В. Мишина // Перспективы развития современного гуманитарного знания: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 23–24 марта 2020 года / Отв. редактор С.В. Минибаева. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет», 2020. – С. 86-91.

41. Нестеренко А.А. Авторская позиция в повествовательном произведении (на материале творчества Л.Н. Толстого 1850- 1860-х годов): Автореф. дис. .канд. филолог. наук. – М., 1970. – 20 с.

42. Нефедова Л.К. Конструирование философского понимания детства в русской культуре XIX века: культурные практики детского чтения / Л.К. Нефедова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – №1 (22). – С. 25-29.

43. Нефедова Л.К. Феномен детства в основных формах его репрезентации (философия, миф, фольклор, литература): автореф. дисс. на соискание науч. степени докт. философ. наук: 09.00.13 “Религиоведение, философская антропология и философия культуры” / Л.К. Нефедова; Омский государственный университет. – Омск, 2005. – 40 с.

44. Николаева Н.Г. «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: формы письма и традиции жанра: Дис. .канд. филолог. Наук / Н.Г. Николаева. – Новосибирск, 2004. – 207 с.

45. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие / Н.А. Николина. – М.: ФЛИНТА, 2022. – 424 с.

46. Никольский Е.В. «В начале жизни школу помню я»: автобиографические повествования о сложном детстве (специфика

проблематики и жанра) / Е.В. Никольский // Пушкинские чтения. – 2013. – №XVIII. – С. 27-33.

47. Поздеев В.А. Автобиографическое как репрезентация жизненных поисков и смыслов (Н. Перминова, Е. Наумова, Г. Кустенко) / В.А. Поздеев // Детская литература в контексте XXI века: сохранение традиций и тенденции развития: Сборник статей / Под научной редакцией Е.О. Галицких, В.В. Двоеглазова. – Киров: Общество с ограниченной ответственностью "Радуга-ПРЕСС", 2020. – С. 90-99.

48. Попкова Т.Д. Универсум Мира детства: монография / Т.Д. Попкова; под науч. ред. проф. Б.В. Кондакова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2023. – 292 с.

49. Романова Н.И. Повесть Л.Н. Толстого «Детство» в контексте русских художественно-автобиографических повестей середины XIX века: диссер. ... канд. филол. наук / Н.И. Романова. – М., 2009. – URL: <https://www.dissercat.com/content/povest-ln-tolstogo-detstvo-v-kontekste-russkikh-khudozhestvenno-avtobiograficheskikh-poveste> (дата обращения: 20.05.2024).

50. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.

51. Русова С. Избранные педагогические произведения: в 2 кн. Кн. 2/ С. Русова. – Киев: Лыбидь, 1997. – 320 с.

52. Савина Л.Н. Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX в.: Л. Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»: диссертация ... доктора филологических наук / Л.Н. Савина. – Волгоград, 2002. – 385 с.

53. Сапожникова Ю.Л. Жанр автобиографии: понятие и особенности / Ю.Л. Сапожникова // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2012. – №2. – С. 54-56.

54. Сикорский И.А. Педагогическое значение первого детства / И.А. Сикорский // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начало XX в.; [сост. П.А. Лебедев]. – М., 1990. – С. 283-292.

55. Соколова Т.С. Типология «Странного семейства» в повести Ф.М. Достоевского «Неточка Незванова» / Т.С. Соколова // Вестник ТГПУ. – 2014. – №7 (148). – С. 166-170.

56. Теория речевой деятельности: вызовы современности. Материалы XIX Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 6–8 июня 2019 г. / Ред. коллегия: Е.Ф. Тарасов (отв. ред.), Н.В. Уфимцева, В.П. Синячкин, У.М. Бахтикиреева, О.В. Балясникова, Е.С. Ощепкова, Л.С. Жукова, С.В. Дмитрюк. – М.: Издательство «Канцлер», 2019. – 300 с.

57. Тынянова О.Н. К ценностно-ориентированному осмыслению культуры и культурфилософских дискурсов (опыт критического историко-парадигмального исследования) / О.Н. Тынянова // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2018. – №1-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-tsennostno-orientirovannomu-osmysleniyu-kultury-i-kulturfilosofskih-diskursov-opyt-kriticheskogo-istoriko-paradigmalnogo> (дата обращения: 19.05.2024).

58. Удалых Е.Ю. Образы детства в русской культуре и философии: автореф. диссертация ... канд. филос. наук / Е.Ю. Удалых. – Белгород, 2012. – 28 с.

59. Черкашина Т.Ю. Мемуарно-автобиографическая проза XX века украинское видение: монография / Т.Ю. Черкашина. – Харьков: Факт, 2014. – 378 с.

60. Шарапова Д.Д. Достоевский и Эжен Сю: «Униженные и оскорбленные» / Д.Д. Шарапова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. – 2016. – №1. – С. 152-156.

61. Шеина Е.Н. Ценностное отношение к «Феномену детства» в основных формах его репрезентации (философия, социология, педагогика) // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – №10. – С. 156-162.
62. Шестакова Е.Ю. Детство в системе русских литературных представлений о человеческой жизни XVIII – XIX столетий: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.Ю. Шестакова. – Северодвинск, 2007. – 181 с.
63. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
64. Эволюция научного мифа / И.П. Ильин. – М.: ИНТРАДА, 1998. – 205 с.
65. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб: Питер, 2019. – 448 с.